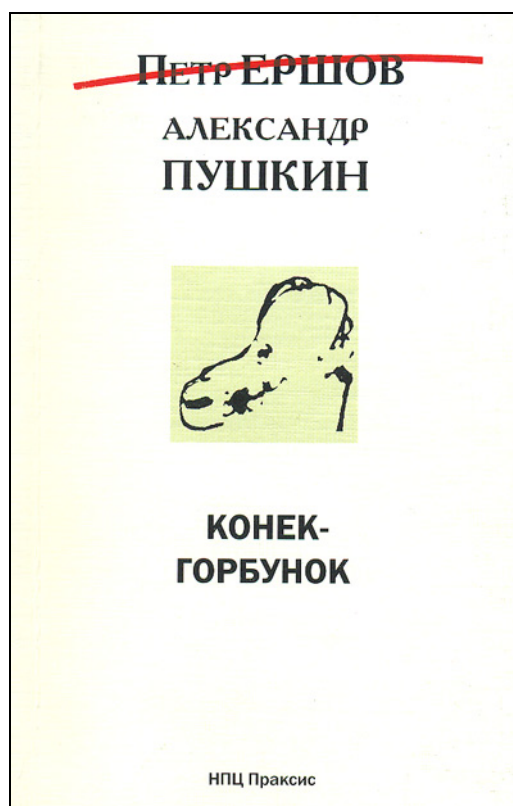

ПЁТР ЕРШОВ
АЛЕКСАНДР ПУШКИН
КОНЕК-ГОРБУНОК

Русская сказка

Вступительная статья и подготовка текста *Владимира Козаровецкого*

Москва 2009

Во вступительной статье «Сказка - ложь, да в ней намёк» изложена вся известная на сегодняшний день аргументация в пользу версии пушкинского авторства сказки «Конёк-Горбунок», выдвинутой А.А.Лацисом. В книге впервые опубликована первоначальная пушкинская редакция сказки, включающая цензурные изъятия 1834 г. и освобождённая от исправлений и вставок 1856 г. Учтена также пушкинская правка сказки, не вошедшая в издание 1834 года

В оформлении обложки использован фрагмент рисунка А.С.Пушкина

© В.А.Козаровецкий. «Сказка - ложь, да в ней намёк». Текст статьи.

© В.А.Козаровецкий. Редакция сказки «Конёк-Горбунок».

© В.А.Козаровецкий. Оформление, оригинал-макет.

ISBN 978-5-901606-13-1

ВЛАДИМИР КОЗАРОВЕЦКИЙ

СКАЗКА - ЛОЖЬ, ДА В НЕЙ НАМЁК

*Литературная мистификация - произведение, авторство которого
умышленно приписывается другому лицу.*
Энциклопедический словарь

Когда двое говорят одно и то же, это далеко не одно и то же.
Наполеон Бонапарт

Версия пушкинского авторства сказки «Конёк-Горбунок» впервые была выдвинута Александром Лацисом в 1993 году, а в 1996 году в виде статьи «Верните лошадь!» опубликована в пушкинской газете «Автограф». В 1997 и 1998 году в Москве вышли две книги, в которых были воспроизведены текст издания «Конька-Горбунка» 1834 года (пушкинский текст) и статья Лациса; поддержав его гипотезу, эти две книги я и отрецензировал для «Литературного обозрения» (1999, №4; «Ход конём, или попытка плагиата»).

В 1999 году Александр Лацис умер. Приняв на себя обязанности председателя комиссии по литературному наследию писателя, я помог главному редактору пушкинской газеты «Автограф» Г.Г.Сорокиной издать подготовленную редакцией книгу Лациса («Верните лошадь!», М., 2003) и предпринял несколько попыток привлечь внимание пушкинистики к его открытиям (публикации в «Общей газете», в «Новых известиях», «Русском Курьере» и в «Парламентской газете»), но безрезультатно - хотя моя последняя статья и была адресована редакцией «Парламентской газеты» непосредственно министру культуры, директору ИМЛИ и председателю Пушкинской комиссии РАН. Те, кого заинтересуют эти материалы, могут прочесть статью Лациса и мои публикации, текст сказки издания 1834 года и мой сравнительный анализ этого текста с исправлениями и дополнениями в тексте сказки издания 1856 года на моём сайте <http://gorbunock.narod.ru>. Восстановленный на основании этого анализа пушкинский текст сказки и приведён в настоящей книге.

В этом предисловии я сознательно избегаю широкого историко-литературного изложения. Как мне кажется, сухое перечисление доводов в пользу версии Александра Лациса, и его, и вновь найденных, может оказаться убедительнее иного подробного литературоведческого анализа. Но сначала напомним, что нам известно о первых публикациях «Конька-Горбунка» и о дальнейшей судьбе сказки и её автора.

В апреле 1834 года издатель Пушкина, профессор русской словесности Петербургского университета П.А.Плетнёв приходит на занятия, но вместо очередной лекции читает студентам первую часть сказки «Конёк-Горбунок», написанную присутствующим здесь же их товарищем, 19-летним Петром Ершовым. Эту часть сказки и публикует в апрельском номере журнал

«Библиотека для чтения» - с предисловием, в котором автор «Горбунка назван «новым примечательным дарованием»:

«...Читатели и сами оценят его достоинства - удивительную мягкость и ловкость стиха, точность и силу языка, любезную простоту, весёлость и обилие удачных картин, между коими заранее поименуем одну - описание конного рынка, - картину, достойную стоять наряду с лучшими местами Русской легкой поэзии».¹

Литературоведы пришли к согласному мнению: предисловие было написано самим О.И.Сенковским, арабистом и тоже профессором Петербургского университета, редактором «Библиотеки для чтения». Никто никогда не оспаривал и оценки, выставленной им автору сказки: её первая часть была великолепной и многообещающей. Сказка имела громкий успех, и читатели журнала ждали продолжения, но его не последовало; зато уже в июне 1834 года в Петербурге вышло первое полное издание сказки, выпущенное издателем «Библиотеки для чтения» А.Ф.Смирдиным.

Ершов живёт в Петербурге, читает сказку в писательских кругах, его стихи публикуются в журналах и альманахах - главным образом в «Библиотеке для чтения». Летом 1836 года он уезжает на родину, в Тобольск, где, по протекции Сенковского и А.В.Никитенко - тоже профессора Петербургского университета (читавшего теорию литературы), цензора и журнала «Библиотека для чтения», и издательства Смирдина, - Ершов был принят преподавателем в местную гимназию.

В 1840-м и в 1843-м годах Смирдин переиздал сказку, но вскоре после 3-го издания она была запрещена. После смерти Николая I запрет на издание сказки снят. В 1837 году во время пребывания в Тобольске с наследником престола, будущим императором Александром II, Жуковский представляет ему автора сказки. Ершов становится директором гимназии, а в 1856 году выходит четвёртое, исправленное и дополненное издание; в этой редакции сказка издается и впоследствии, вплоть до наших дней. Ершов умер в 1869 году.

А теперь зададимся вопросами, которые невольно возникают при анализе истории создания и публикации «Конька-Горбунка»:

1. Ершов родился в феврале 1815 г., сказка была опубликована в апреле 1834-го и, следовательно, написана была в 1833-м, 18-летним юношей. **Пушкин** в таком возрасте эту сказку написать **не смог бы**: стихи 18-летнего Пушкина явно слабее. Более того, такие места в сказке, как «*За горами, за долами, За широкими морями, Не на небе - на земле Жил старик в одном селе*»², или «*Наш старик-отец не может, Работать совсем не может*»³, или «*Тихим пламенем горя, Развернулася заря*»⁴ и т.п., пожалуй, сделают честь и зрелому, гениальному Пушкину. Другими словами, если автор сказки - Ершов, то 18-летний Ершов был куда гениальнее 18-летнего Пушкина. Возможно ли это? Правда, известно, что Пушкин удостоил сказку «тщательного просмотра» и внёс некоторые поправки в беловой текст сказки, переписанный рукой Ершова, - но здесь речь идёт не об отдельных строчках,

а обо всей сказке, уровень которой несомненно выше уровня стихов юного Пушкина.

2. Как объяснить, что *ни одна живая душа* не знала, что Ершов пишет стихи? Возможно ли вообще представить, что никому не известный юный автор написал такую большую сказку замечательными стихами, по написании хотя бы части которых он не мог не ощутить свой талант и не поделиться хоть с одним другом радостью удачи, что он не прочел кому-нибудь хоть несколько строк? Нужно ли доказывать, что без общения, без среды, в полном одиночестве талант сформироваться не может? Студенты были изумлены не только уровнем стихов этой сказки, но и тем, что её написал их товарищ, о стихотворном таланте которого никто и не подозревал.

3. Почему не сохранилось *ни одного* стихотворения Ершова, под которым можно было бы уверенно поставить дату ранее 1833 года? - Лишь под несколькими стихотворениями стоит стыдливо-неопределенное «начало 1830-х годов». Ведь это может означать только, что до сказки у Ершова никаких стихов не было вообще, либо эти стихотворные опыты были так слабы, что их было стыдно показывать. Но возможен ли такой «скачок»?

4. Как вообще объяснить этот странный всплеск гениальности, какого не знает история мировой литературы? Случаи такой *ранней гениальности* известны в музыке, математике и других областях человеческих знаний и культуры, но не в литературе, где зрелости в умении выражать свои мысли и чувства *стихами* предшествует обязательная и немалая ученическая работа. Единственный пример, который мог бы опровергнуть это положение, - история возникновения поэта Артюра Рембо, но как раз в этом случае многое свидетельствует об имевшей место гениальной мистификации Поля Верлена (на тему этой мистификации существует целая литература на французском языке). Вместе с разрывом их отношений кончился и поэт Артюр Рембо, а на всем, что осталось от него как достоверно им написанное после разрыва (письма из Африки), - печать унылой посредственности.

5. Чем объяснить, что все стихи Ершова, кроме сказки, бездарны (*ни одной* талантливой строки)? Так в литературе не бывает: талантливый писатель может считаться автором одного произведения, но и в других его произведениях искра Божия не может быть не видна. Куда делся талант? Даже если предположить, что он весь ушел на эту сказку - *лучшую русскую сказку в стихах*, что это был необыкновенный порыв и прорыв, невозможно поверить, что затем его поэтический дар начисто пропал - как будто его никогда и не было.

6. Был ли у Ершова доступ к сюжету, позаимствованному для «Конька-Горбунка» из одной из сказок Страпаролы? А главное, случайно ли у сюжетов «Сказки о царе Салтане», «Сказки о золотой рыбке» и «Конька-Горбунка» *один* и тот же *источник* - «Приятные ночи» Страпаролы, французский перевод которых имелся в библиотеке Пушкина?

7. Как объяснить переключку «Конька-Горбунка» с пушкинскими сказками («царь Салтан»⁵, «остров Буян»⁶, «гроб в лесу стоит, в гробе девица лежит»)⁷ «пушки с крепости палят»⁸? Ведь такое «использование»

живого классика и современника предполагает некую смелость, свойственную крупной личности, поэтический разговор с Пушкиным на равных, чего Ершов не мог себе позволить даже в мыслях. Я еще мог бы понять использование такого приема Ершовым, если бы он был модернистом, наподобие современных, или хотя бы эпигоном модернизма, для которого цитирование классиков без самостоятельной мысли - всего лишь способ создания ложной многозначительности, самоцель и средство существования в литературе. Но ничего подобного нет во всех его остальных стихах - да и можно ли всерьез рассматривать ершовский «модернизм»?

8. Как объяснить использование Ершовым в первых изданиях сказки приёма с отточиями вместо якобы пропущенных строк, в то время как в большинстве случаев ничего пропущено не было. Таким приёмом лишь создавалась атмосфера недоговоренности и тайны, - в то время им пользовался только Пушкин. Такое совпадение не может быть случайным, а *гении черты стиля другу друга не крадут*.

9. Чем объяснить, что в издании 1856 года Ершов все отточия в сказке заменил текстом, вставив строки, которые почти везде (кроме нескольких случаев восстановления выкинутых цензурой строк в издании 1834 года) не только ничего не добавляют и не проясняют, но и заведомо лишни? То есть он *не понимал* смысла собственного литературного приема?

10. Почему журнал Сенковского, опытнейшего, дальновидного журналиста и умелого коммерсанта, опубликовал только первую часть сказки, не использовав ее успех для увеличения популярности журнала дальнейшими публикациями? Это можно объяснить только в случае, если 2-я и 3-я части сказки содержали некую крамолу или «оскорбительные личности», что трудно себе представить, если автором сказки был Ершов. Не сохранилось никаких свидетельств того, что у Ершова были влиятельные враги или что он придерживался каких-то «опасных» политических взглядов.

Я вижу лишь одно объяснение: Сенковский прочёл всю сказку и понял, что опубликование полного текста может выйти боком журналу и редактору из-за её явной *эпиграмматической* (образ Спальника) и *антигосударственной* (образ Кита) направленности. Но это же свидетельствует о непонимании Ершовым того, какие «мины» были заложены в «его» сказке: то же следует из его разговора с Пушкиным в одну из их встреч, когда Ершов обиделся на реплику поэта: *«Да вам и нельзя не любить Сибири, - во-первых это ваша родина, во-вторых, - это страна умных людей»*⁹, - заметил Пушкин. - *«Мне показалось, что он смеется, - вспоминал Ершов. - Потом уж понял, что он о декабристах напоминает.»*¹⁰ Между тем сам Ершов как автор не просто «напоминал» бы о них: ведь образ *«державного Кита»* с вбитыми в ребра частоколами, перегородившего весь «Окиян» и 10 лет назад *«без Божия веленья»* проглотившего 30 кораблей, за что он теперь и должен терпеть мученья, пока не даст им свободу, - этот образ так прозрачен, что приходится удивляться, как сказка до её запрещения продержалась 9 лет.

11. Понимали ли Никитенко и Смирдин, о чём сказка? И если понимали, как они решились на участие в этой мистификации? На мой взгляд, понимали, но, полагаю, что у каждого из них мотивы участия в пушкинской затее были разные.

У Никитенко, бывшего цензором Смирдина и журнала «Библиотека для чтения», с Пушкиным были в то время вполне дружелюбные отношения - они испортились только через год, после его цензурных купюр при публикации пушкинских поэм «Анджело» и «Домик в Коломне». Первая часть сказки уже прошла цензуру, псевдоним Ершова должен был отвести любые подозрения; к тому же Пушкин к началу 1834 года внешне был обласкан царём (камер-юнкерство, высочайшее разрешение писать «Историю Петра» и другие милости), и хотя для двора было очевидно, что адресат милостей - не сам Пушкин, а его жена, это лишь усиливало его «неприкасаемую» позицию. В этой ситуации Никитенко мало чем рисковал.

Смирдин был неглуп, но прежде всего он был коммерсантом, и вряд ли он принял бы участие в такой рискованной затее (даже с отложенным риском), если бы условия сделки для него не были сверхвыгодными. И Пушкин, видимо, сделал Смирдину предложение, от которого тот не смог отказаться. Вероятнее всего, он предложил ему фактически *права на сказку* - на все будущие издания, да ещё по сходной цене. К этому времени Смирдин платил ему по 10 рублей за строчку (за небольшие стихотворения - до 25); представим себе, что Пушкин согласился на ту же цену, но только за первое издание (журнальную публикацию ему оплачивал Сенковский) и *в рассрочку*. За все остальные издания Смирдин никому ничего не платил. Если мы правы, сказка должна была принести Пушкину 25 - 30 тысяч дохода.

Пушкинист Владимир Сайтанов предложил довод, подтверждающий эти рассуждения: Пушкин был *работником*, он заботился о том, чтобы были регулярные доходы, но как раз весь 1834 год у него оказался пустым, без заработка. «Продажа прав» на «Конька-Горбунка» объясняет и этот денежный «пробел».

При жизни Смирдина, после смерти Пушкина, сказка издавалась ещё дважды; даже эти два издания с лихвой окупили риск, а последовавший за этим запрет сказки не сказался ни на ком из команды мистификаторов. В истории опубликования «Конька-Горбунка» несомненна отнюдь не молчаливая взаимодоговоренность участников этой, пожалуй, одной из самых масштабных мистификаций в истории русской литературы XIX века: Никитенко, Плетнёва, Пушкина, Сенковского и Смирдина.

12. Прав ли был Ершов, который, не сообразив, что в процитированной выше фразе о Сибири речь идёт о декабристах, решил, что Пушкин над ним подшучивает? - Да, прав: Ершов был недалёким человеком, а у пушкинской фразы - двойной смысл. Известны три фразы Пушкина, имеющие отношение к Ершову, и все три - *двусмысленные*. Это для Пушкина-мистификатора характерно, он любил бросать такие заранее продуманные фразы и формулировки.

13. Подозвав из окна ехавшего на ученье лейб-гусара графа А.В.Васильева (это было летом 1834 года, в Царском Селе), Пушкин бросил явно заранее заготовленную и рассчитанную на запоминание и передачу (или запись) фразу: *«Этот Ершов владеет русским стихом, точно своим крепостным мужиком»*.¹¹ Пушкин не мог не знать, что *в Сибири никогда никакого крепостного права не было*, этот факт был общеизвестным, широко обсуждался и был одним из главных аргументов в пользу отмены крепостного права. Эта явно двусмысленная пушкинская фраза сегодня обычно трактуется так: *«Ершов свободно, безраздельно владел русским стихом»*; между тем, если перевести ее смысл с метафорического языка на прямой, Пушкин фактически сказал: *«Этот Ершов не владеет и никогда не владел русским стихом»*.

14. А как следует понимать фразу, брошенную Пушкиным Е.Ф.Розену в присутствии Ершова (летом 1834 г., после чтения сказки «Конёк- Горбунок»): *«Теперь мне этот род сочинений можно и оставить»*?¹² Обычно её трактуют следующим образом: «Сказка Ершова так хороша, что теперь, после его «Конька-Горбунка», мне в этом жанре и делать нечего». Между тем эта фраза, как и две другие пушкинские фразы, имеющие отношение к Ершову, сознательно *двусмысленна*, и означает только, что, написав такую замечательную сказку, Пушкин может с чистой совестью оставить этот жанр. Эту сознательную двусмысленность подчеркивает тот факт, что на момент произнесения фразы Пушкин не только не оставил «этот род сочинений», но и как раз в это время тем же четырехстопным хореем писал «Сказку о золотом петушке», сюжет которой заимствовал из «Альгамбры» В.Ирвинга, также бывшей в его библиотеке.

Какой смысл в каждой из этих трех фраз выбрали бы вы, дорогой читатель?

15. Как объяснить, что до нас не дошло *ни одной дарственной надписи* ни на журнальной публикации, ни на отдельном издании сказки тем, кто принял участие в его судьбе: Жуковскому, Никитенко, Плетневу, Пушкину, Сенковскому, Смирдину? А только так и можно объяснить, что он не был автором сказки: ведь если бы он был её автором, он просто не мог не преподнести своей книги с благодарственной надписью в подарок всем перечисленным благодетелям; а поскольку он не был её сочинителем, у него и рука не поднялась сделать кому бы то ни было дарственную надпись «от автора» - по крайней мере, до 1856 года, пока он не внес в сказку огромное количество своих поправок и на этом основании не стал законным, с его точки зрения, «соавтором»; другого объяснения я не вижу.

16. Как объяснить, что Ершов - во всяком случае, при жизни Пушкина - *письменно ни разу не обмолвился* о своём авторстве «Конька-Горбунка» и не употреблял применительно к сказке притяжательных местоимений «моя», «мой»? Мало того, «не проговорились» ни разу и все остальные участники этой мистификации - а это уже не случайность, а закономерность. В самом деле, кому из них могло придти в голову написать: «сказка Ершова»?

17. Как объяснить, что Ершов после успеха первой части и отдельного издания сказки, даже по самым скромным расценкам материально обеспечивавшего его семью на годы вперед (только за журнальную публикацию 1-й части он получил 500 рублей, а ведь через два месяца появилось и отдельное издание сказки объемом в 2300 строк), *уехал из Петербурга* и стал работать преподавателем в Тобольской гимназии?

18. Чем объяснить, что Ершов постоянно нуждался в деньгах и бедствовал, если сказка в течение 9 лет *трижды* - в 1834, 1840 и 1843 гг. - издавалась немалыми тиражами?

19. Чем объяснить, что в 1841 году, всего через год после второго издания, Ершов через посредника (В.А.Треборн) обратился к Сенковскому с просьбой денег - под предлогом того, что ему в своё время, в 1834 году, не доплатили *за журнальную публикацию* первой части сказки в «Библиотеке для чтения»?

Сенковский, который написал к той публикации блестящее, чуть ли не восторженное предисловие, - на эту просьбу ответил объяснением, что он «вывел его в люди» и что «с него очень довольно», предварив это фразой: *«Ничего не следовало получить и не будет следовать»?*¹³ Даже если это так по сути, ответ совершенно хамский, коли автор сказки - Ершов; остается предположить, что Ершов - не автор, что он нарушал некую договоренность. Невозможно понять такой ответ иначе, чем (в мягкой форме): «Вы поставили свою подпись под сказкой, вам заплатили за это обещанные вам 500 рублей, как с вами и договаривались; теперь вы приняли обиженный вид, как будто вам что-то недоплатили, а это уже просто непорядочно». Но бросается в глаза, что Сенковский был в курсе денежных договорённостей между Ершовым и Пушкиным и посвящен в тайну этой пушкинской мистификации.

20. Чем объяснить, что Ершов в приступе *«страшной хандры»*¹⁴ *уничтожил беловик сказки с правкой Пушкина и свой студенческий дневник?* Это по меньшей мере подозрительно, а учитывая, что уже вскоре после смерти Пушкина каждый его автограф стал представлять и материальную ценность, поверить объяснению Ершова просто невозможно. Уничтожение дневника и рукописи, в которых могла иметь место информация о принадлежности Пушкину «Конька-Горбунка», можно объяснить только тем, что Ершов, приступив к переизданиям сказки и внося в неё изменения и дополнения, решил не оставлять никаких следов пушкинского авторства.

21. В библиотеке Пушкина имелся экземпляр отдельного издания сказки 1834 года, разумеется, тоже *без дарственной надписи* - а уж Пушкину-то за «тщательный просмотр» сказки Ершов мог бы книгу и подписать!

Однако этот экземпляр сказки любопытен и другим. Лацис проверил по Описи пушкинской библиотеки книги, стоявшие на этой полке рядом с книгой «Конёк-Горбунок», обозначенной в Описи под №741. Оказалось, что *все книги*, с №738 по №748, - *анонимные и псевдонимные* издания. Друг Пушкина С.А.Соболевский весной 1834 года приводил в порядок его библиотеку, расставляя книги по определенному принципу (полка со

словарями, полка с журналами, тематически и т.п.). Следовательно, Пушкин летом 1834 года поставил только что вышедшую сказку на эту полку анонимных и псевдонимных изданий, зная, что *автор этой книги - не Ершов?* Считаю, что этот аргумент Лациса - решающий.

22. Как объяснить *неуместность большинства исправлений*, внесенных Ершовым в текст сказки, и *абсолютную бездарность некоторых, явно портящих ее?* Вот примеры «перлов», привнесённых в первоначальный текст: вместо «*Как бы вора им поймать*»⁵ стало «*Как бы вора соглядать*»¹⁶; вместо «*Кобылица молодая, Задом, передом брыкая...*»¹⁷ - «*Кобылица молодая, Очью бешено сверкая...*»¹⁸; вместо «*Крепко за уши берет*»¹⁹ - «*Уши в загреби берет*»²⁰, вместо «*Взяли хлеба из лукошка*» - «*Принесли с естным лукошко*»²²; вместо «*Если ж нужен буду я*»²³ - «*Если ж вновь принужусь я*»²⁴; вместо «*Перстень твой, душа, сыскал*»²⁵ - «*Перстень твой, душа, найден*»²⁶, - и т.д.

Тем не менее, некоторые исправления 1856 года текст улучшают; из этого можно сделать вывод, что среди поправок, внесённых Ершовым в пушкинский текст, были и такие, которые были сделаны самим Пушкиным. Это могли быть поправки, сделанные в беловике, переписанном рукой Ершова, но не попавшие в текст первого издания, либо такие, которые Пушкин внёс в рукопись между 1834 и 1836 годами, до того, как Ершов уехал в Тобольск - или же, наконец, в издании 1856 года были восстановлены некоторые цензурные изъятия, которых не избежали первые три издания.

23. Как объяснить фразу Ершова в письме к Плетневу в 1851 г.: «Книгопродавец... сделал мне предложение об издании «Конька»... Я писал к нему, чтобы он доставил Вам рукопись и *всякое Ваше замечание исполнил бы беспрекословно*».²¹ Такое абсолютное, слепое доверие к редакторской работе Плетнёва может означать только то, что оба они знали: «Горбунок» - пушкинская сказка. И до, и после смерти Пушкина Плетнев говорил, что Пушкин целиком полагался на его вкус и доверял ему; на самом же деле Пушкин относился к Плетнёву с большой долей иронии; см., например, его «*Ты мне советуешь, Плетнёв любезный...*»²⁸. Но если Плетнёв ввёл сам или допустил правку Ершова, то ответственность за порчу сказки на нём гораздо большая, нежели на самом Ершове.

24. Как объяснить тот факт, что *Пушкин оставил Смирдину написанное своей рукой "Заглавие и посвящение «Конька-Горбунка»"* со строкой, броско отличающейся от текста издания, вышедшего при его жизни? («...*За широкими морями, Против неба - на земле*»)²⁹.

Я вижу одно объяснение: Пушкин хотел оставить для нас «зарубку». И отдаю должное Смирдину, который этот автограф сохранил и внёс упоминание о нём в перечень своих бумаг (кажется, сам автограф в дальнейшем пропал). К таким «зарубкам» я отношу и пушкинские двусмысленные фразы в отношении Ершова, и цитаты из пушкинских сказок в «Коньке-Горбунке».

25. Чем объяснить, что Пушкин оставил в тетради свой «*автопортрет в виде лошади*», а точнее, как это подметил Лацис, - *в виде «вылитого*

Конька-Горбунка», к тому же нарисованного между двумя другими конскими мордами? Не тем ли, что он не хотел отдать свою сказку *безвозвратно*: «*Первых ты коней продай, а конька не отдавай*». Это ещё одна пушкинская «зарубка», и с этой точки зрения следует внимательно присмотреться к тому, что в сказке говорит Конёк-Горбунок: ведь это именно он объявляет Киту, за что тот наказан и что ему надобно сделать, чтобы заслужить прощенье. На мой взгляд, этот рисунок - подтверждение тому, что Пушкин в «Коньке-Горбунке», как и в большинстве своих крупных произведений, использовал приём передачи речи рассказчика одному из действующих в сюжете или «за кадром» персонажей (как это Пушкин сделал, например, в «Евгении Онегине»).

Я думаю, читателю уже очевидно, что сказка - пушкинская и что Ершов к ее написанию никакого отношения не имел. Первый вопрос, на который необходимо ответить, это - *зачем!* Зачем понадобилась Пушкину эта мистификация? Да, Пушкин был шутник и обожал розыгрыши, он наверняка немало повеселился, когда ему рассказывали об опубликованной «Библиотекой» необыкновенной сказке новоявленного гения и об ее шумном успехе («*Читатель, ...смейся то над теми, То над другими: верх земных утех Из-за угла смеяться надо всеми*», - писал он в не вошедших в основной текст поэмы «Домик в Коломне» строках). Но отдать свою *лучшую* сказку! - Для этого нужны были очень серьезные основания.

Ответ на вопрос «Зачем?» (как, впрочем, и на большинство других в связи с этой мистификацией) прежде всего надо искать в самом тексте сказки. Есть две причины, по которым Пушкин *не мог* поставить под «Коньком» свою подпись: политическая и личностная. Либо в сказке содержится некая информация, которая под именем Пушкина становилась крамольной и чрезвычайно опасной для него (или становилась непреодолимым препятствием для её публикации), либо сказка содержала «оскорбительные личности» - некие оскорбительные намеки на фигуры такого масштаба, которых и Пушкину, при всей его смелости, нельзя было открыто задеть под своим именем. Либо - и то, и другое.

Полагаю, что тут имели место обе причины; одну из них, политическую, я уже упоминал. Все мы помним про «чудо-юдо Рыбу-кит»; как она появляется в сказке? - Конёк-Горбунок объясняет Ивану:

*...Мы приедем на поляну –
Прямо к морю-окияну;
Поперек его лежит
Чудо-юдо Рыба-кит:
Десять лет уж он страдает,
А доселева не знает,
Чем прощенье получить...
Все бока его изрыты,
Частоколы в ребра вбиты...³¹*

А за что кит наказан?

*Он за то несет мученье,
Что без Божия веленья
Проглотил среди морей
Три десятка кораблей.
Если даст он им свободу,
Снимет Бог с него невзгду.*³²

И, наконец:

*Чудо-кит поворотился,
Начал море волновать
И из челюстей бросать
Корабли за кораблями
С парусами и гребцами...*³³

«Остается признать очевидное, - писал Лацис. - Никакие власти не разрешили бы прославленному певцу вольности обнародовать его сокровенные думы». И практически открытый призыв к царю выпустить декабристов, - добавил бы я. В таком виде сказку под именем Пушкина не то что опубликовать было бы невозможно - ее нельзя было даже показать ни Бенкендорфу, ни царю, который объявил себя личным цензором Пушкина. Ее и в бумагах-то держать было опасно, что и подтвердилось дальнейшей судьбой сказки. После петербургского издания 1834 года она продержалась всего 9 лет, будучи издана еще дважды, в Москве, подальше от глаз столичных цензоров (издания 1840 и 1843гг.), и **была запрещена** под предлогом «несоответствия современным понятиям и образованности».

Но была и другая причина, по которой сказку невозможно было подписать Пушкину. Если «Ершовым» удалось на время обмануть бдительную цензуру, то, даже не будь там этих строк с «чудом-юдом», **изображение царя и особенно «хитрого Спальника»** Пушкину с рук бы не сошло безнаказанно ни при каких условиях: Бенкендорф злую эпиграмму в свой адрес распознал бы безошибочно.

«Однако, если признать вашу точку зрения, то как же рисковал Ершов! - заметит читатель. - И как же мог Пушкин так бедного Ершова подставлять!»

Для осуществления этой пушкинской мистификации требовался человек недалекий, который не увидел бы всего того, о чем сказано выше; в этом случае ему и опасность никакая не грозила. Именно таким и был Ершов, это Пушкин увидел сразу и все рассчитал верно. Ершов особой смелостью не отличался, но она ему в этом случае и не была нужна. Другое дело - что Пушкин подвергнул Ершова такому испытанию, какое может выдержать далеко не каждый: испытанию незаслуженной славой. Но это - предмет отдельного и нелитературоведческого исследования.

А теперь, когда мы разобрались в истинных причинах пушкинской мистификации, можно и попытаться реконструировать её историю.

Летом 1833 года у студента Петербургского университета Петра Ершова умирает отец; семья - в бедственном положении. Осенью об этом узнает Плетнев, курс которого слушает Ершов, и приводит студента к Пушкину под предлогом того, что для него может найтись работа по переписке.

Пушкин разговаривает с Ершовым и, убедившись, что кандидатура для мистификации подходящая, дает ему платную работу: перебелить рукопись только что написанной сказки. Ведь если Ершов согласится поставить свою подпись, у него должен быть написанный его рукой беловик и ему не мешало бы сказку неплохо знать. А затем Плетнев предлагает Ершову за отдельную плату подписать «Конька-Горбунка» своим именем.

Плетнев мог сказать Ершову только то, что думал и сам: будучи человеком несамостоятельным в суждениях, он был подвержен влиянию общего мнения, а обращение Пушкина к народным сказкам публикой и критикой было встречено холодно. Даже Белинский, подытоживая мнение публики и свое, писал в конце 1834 года: «судя по его сказкам мы должны оплакивать горькую, невозвратную потерю». Между тем ожидалась публикация «Пиковой дамы», и Плетнев полагал, что публикация сказки Пушкину повредит. Для Ершова же, в его безвыходном положении, 500 рублей были очень большими деньгами (корова стоила 30 рублей), и он согласился. Разумеется, в тот момент он не понимал, какая известность ему предстоит и какая ответственность на него ложится.

Сенковский, конечно же, прочел всю сказку, прекрасно разглядел опасные рифы, которыми грозила шумная журнальная публикация второй и третьей частей, и решил ограничиться безопасной первой частью, увеличив популярность своего журнала и одновременно сделав доброе дело Пушкину.

Напомним, что отношения у них тогда были очень хорошие; они испортились только через два года, с того момента, когда Пушкин объявил о своем намерении издавать «Современник». Это испугало и Сенковского, и его издателя Смирдина, которые увидели в Пушкине опасного конкурента в их коммерческой деятельности; Смирдин даже предлагал Пушкину отступные в размере 15.000 рублей, только бы тот отказался от издания запланированных 4-х томов «Современника».

А в 1834 году сказка спокойно прошла через цензуру - хотя пару мест цензоры и отщипнули. За журнальную публикацию с Ершовым расплатился сам Пушкин; вопрос, сколько получил Пушкин и за журнальную публикацию, и за отдельное издание сказки, можно только гадать, но Смирдин несомненно участвовал в мистификации: это был, скорее всего, вопрос цены. Так все в этой «связке» мистификаторов оказались прочно сцепленными этой тайной друг с другом, причем ни один из них не был заинтересован в ее раскрытии.

В связи со сказанным фраза, брошенная Пушкиным Ершову в присутствии Е.Ф.Розена {«Теперь этот род сочинений можно мне и

оставить.») - поразительное свидетельство характера мистификатора, если учесть, что как раз в это же время Пушкин пишет еще одну большую сказку - «Сказку о золотом петушке». Последний факт проливает свет и на истинную первопричину появления «Конька-Горбунка».

Разумеется, мысль Ахматовой, что в «Петушке» «бутафория народной сказки служит... для маскировки политического смысла»³⁶, к «Коньку» относится даже в гораздо большей степени. И, тем не менее, главная причина появления обеих сказок - в другом. Что у них общего, кроме того, что они написаны одним размером? Общее в их сюжетах то, что царь хочет жениться на молодой - и в обеих сказках он за это наказан. Но этот ответ сразу же напоминает нам, что Пушкин как раз в это время был сильно озабочен чрезмерным «вниманием», какое царь оказывал Наталье Николаевне. Нравы двора ему были слишком хорошо известны; не случайно в своём дневнике он записывает историю графа Безобразова, с невестой которого, Любой Хилковой, Николай использовал «право первой ночи».

Пушкин сам говорил Нащокину, что царь, «как офицеришка, ухаживает за его женою; нарочно по утрам по нескольку раз проезжает мимо ее окон, а ввечеру, на балах, спрашивает, отчего у нее всегда шторы опущены»³⁷. Как раз на 1833 год и приходится пик усилий императора по «приручению» поэта и его жены, в конце декабря и завершившихся производством Пушкина в камер-юнкеры. 1 января 1834 года Пушкин с горечью записывает в дневник: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничковом». Под двором подразумевался царь.

Таким образом, обе сказки Пушкина, «Конек-Горбунок» и «Сказка о золотом петушке», были «предупредительными выстрелами» - хотя и этим не исчерпываются причины опубликования «Конька» под чужим именем. Лацис не без основания полагал, что этой псевдонимной публикацией Пушкин решал еще одну проблему - денежную. Тайная продажа своего произведения обеспечивала Пушкина «карманными» деньгами, неподотчетными Наталье Николаевне; вот почему об этой сказке не знала и жена. Написав первую часть сказки и начавши вторую, Пушкин сразу увидел, что сказка под его именем становится не только непечатной, но и опасной. Значит, уже в процессе написания «Конька-Горбунка» (а вероятнее всего - ещё на стадии замысла) Пушкин планировал издание под псевдонимом.

Скорее всего, Пушкин не раз проделывал такие вещи; Лацис приводит запись Авдотьи Панаевой рассказанного ей в 1840 году Смирдиным. Однажды Смирдин пришел к Пушкину за рукописью стихотворения и принес деньги; Пушкин сказал, что рукопись забрала жена и хочет с ним поговорить. Наталья Николаевна потребовала у Смирдина увеличения суммы вознаграждения вдвое. «Нечего делать, надо вам ублажить мою жену, - сказал Смирдину Пушкин. - Я с вами потом сочтусь». Другими словами, печатание «под прикрытием» было «не из ряда вон выходящим событием, а уловкой, повторенной многократно»³⁹.

Об этом недвусмысленно писал и сам поэт. Вот строки из беловика «Домика в Коломне», которые он осторожно исключил из окончательного текста:

*Здесь имя подписать я не хочу;
Порой я стих повёртываю круто,
Всё ж видно, не впервой я им верчу,
А как давно? Того и не скажу-то...⁴⁰*

Личная заурядность Ершова грозила всем участникам разоблачением мистификации, и, скорее всего, ему было поставлено условие, чтобы он уехал на родину, в Тобольск, - что он и сделал летом 1836 года. После смерти Пушкина, ради возможности получить хоть какие-то деньги за публикацию, он готов был пойти на любые исправления в тексте сказки, а вмешавшись в пушкинский текст, так и не решился оставить потомкам ни одного свидетельства пушкинского авторства «Конька-Горбунка».

После смерти Ершова не осталось ни белой рукописи сказки с правкой Пушкина, ни черновиков; не сохранился и подготовленный к набору оригинал. Никаких прямых указаний на свое авторство Пушкин не оставил - не мог оставить, поскольку в этом случае подставлял всех принимавших участие в розыгрыше; кроме того, раскройся эта «шутка» - и Наталья Николаевна могла предъявить «шутникам» немалый счет. А по общепринятым правилам художественные произведения переиздаются в последней прижизненной редакции, и, поскольку автором «Конька» считается Ершов, сказка и сегодня издается в «исправленном и дополненном» виде.

«Мы желали бы, - писал в июне 1841 года Белинский, - чтоб не пропала ни одна строка Пушкина и чтоб люди, которых он называл своими друзьями, или с которыми он действовал в одних журналах, или у которых в изданиях когда-либо и что-либо помещал, - объявили о каждой строке, каждом слове, ему принадлежащем... Не нашлось рукописи? Но неужели же нет других свидетельств...»

Было бы стыдно нам сегодня не желать того же. Но мы столкнулись с непростой проблемой - проблемой мистификации, не оставившей никаких «прямых улик» пушкинского авторства. Как в этом случае поступать? Мне кажется, история с «Коньком-Горбунком» является тем самым прецедентом, на котором и надо оттачивать принципиальное решение, как быть с пушкинскими мистификациями, которых у него множество. Напомню, что когда еще не были известны «прямые улики» пушкинского авторства «Гавриилиады» и в начале прошлого века принималось решение, включать или не включать её в корпус пушкинских произведений, решающим аргументом стало: а кто-нибудь из современников Пушкина мог ее написать? Что ж, задам аналогичный брюсовскому вопрос и я: кто, кроме Пушкина, мог в то время написать «Конька-Горбунка»? В самом деле, уж не Ершов ли?

Нам осталось ответить на последний вопрос: когда же сказка была Пушкиным написана? Исходя из всего изложенного, можно утверждать, что долго она в столе у Пушкина лежать не могла - это было просто опасно; стало быть, она должна была быть написана не позже второй половины 1833 года. Ответ - в пушкинской переписке того времени.

1 октября 1833 года Пушкин, как и собирался, по дороге из Оренбурга заезжает в Болдино и проводит там почти полтора месяца. В письме от 19 сентября, ещё с дороги, он пишет: «уж чувствую, что дурь на меня на меня находит -я и в коляске сочиняю, что же будет в постеле»?⁴² Предчувствия его не обманули, он расписался, и, похоже, эта болдинская осень была не менее продуктивна, чем знаменитая.

Вместе с тем, получив два письма от жены, Пушкин пишет ей 8 октября:

*«Не стражай меня, женка, не говори, что ты искокетничалась...»*⁴³ Этот мотив в письмах Пушкина из Болдина тоже постоянен и звучит всё тревожней.

11 октября: *«...Не кокетничай с царём... Я пишу, я весь в хлопотах, никого не вижу – и привезу тебе пропасть всякой всячины»*. Там же: *«...Кокетничать я тебе не мешаю, но требую от тебя холодности, благопристойности, важности - не говорю уж о беспорочности поведения...»*⁴⁵

30 октября: *«Ты, кажется, не путём искокетничалась. Смотри: недаром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона, В нем толку мало. Ты радуешься, что за тобою, как за сучкой, бегают кобели, подняв хвост трубочкой и понюхивая тебе задницу; есть чему радоваться!»*⁴⁶ В том же письме: *«...не кормите селёдкой, если не хотите пить давать...»*⁴⁷ Там же: *«Гуляй, женка: только не загуливайся...»*⁴ Там же: *«Да, ангел мой, пожалуйста не кокетничай...»*⁴⁹ В том же письме, сообщая о своём распорядке дня и о том, что у него один день похож на другой: *«Просыпаюсь в семь часов, пью кофей и лежу до трех часов... - то есть он каждый день работает (жена знала, что по утрам Пушкин пишет в постели). - Недавно расписался, и уже написал пропасть»*.⁵⁰

В тот же день в письме к В.Ф.Одоевскому, которому, в расчёте на Болдино, наобещал стихов, Пушкин, понимая, что далеко не всем написанным он сможет открыто распорядиться, предельно осторожно пишет: *«Приехал в деревню, думал, распишусь. Не тут-то было. Головная боль, хозяйственные хлопоты, лень -барская, помещичья лень - так одолели, что не приведи боже»*.⁵¹

6 ноября, жене: *«Повторю тебе., что кокетство ни к чему доброму не ведёт...»*⁵²; там же: *«Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных, ревности etc,etc»*.⁵³

Если пушкинские тревоги этого месяца и не стали первотолчком, заставившим обратиться к сюжетам «Конька-Горбунка» и «Золотого петушка», то, по крайней мере, укрепили Пушкина в этом намерении, а

вероятность опубликовать развёрнутую эпиграмму на Бенкендорфа, с которым у него были давние счеты, не позволила ему остановиться и тогда, когда образ «хитрого Спальника» был завершён и стал опасен. Так многое и столь удачно сошлось в этой сказке, что в Петербург Пушкин собирался, уже зная, что опубликовать её необходимо, - пусть и не под своим именем.

6 ноября, незадолго до отъезда, «прикрывая» свою тайнопись, Пушкин пишет жене: «Я привезу тебе **стишков** много, но не разглашай этого: а то альманашники заедят меня»⁵⁴.

С моей точки зрения, учитывая всё выше изложенное, под сказкой можно смело ставить дату: *октябрь 1833 г.*

«Мы... пребываем в убеждении, - писал Лацис, - что болдинская осень - нечто из ряда вон выходящее. И только когда Пушкину вернут права на все им созданное, начнем привыкать к мысли, что болдинское изобилие было скорее правилом, чем исключением»⁵⁵.

В заключение привожу выдержку из моей статьи, опубликованной в 2004 году в «Парламентской газете»:

«Множество фактов, приведенных нами, свидетельствуют о том, что сказку написал Пушкин, хотя прямых подтверждений этому и нет - только косвенные свидетельства. Но ведь бывают же случаи, когда при отсутствии прямых улик суд выносит решение на основании только косвенных. Если бы мы разбирали это дело в суде, авторство наверняка было бы присуждено Пушкину, но станет ли обязательным такое решение суда для Пушкинской комиссии РАН, которая и должна принять решение о включении сказки в корпус пушкинских произведений?

Безвыходная ситуация? Мистификаторы (и прежде всего - сам Пушкин) так замели следы, что на титуле изданий «Конька-Горбунка» так и будет впредь красоваться глуповатое лицо Ершова, так напоминающее портрет Козьмы Пруткова, а мы будем знать, что на этом месте должен быть портрет Пушкина, но изменить ничего не сможем?

- А надо ли что-то менять? - вроде бы вполне резонно заметит читатель.
- Сказка-то хорошая, и оттого, что на ней стоит не имя Пушкина, а имя Ершова, она ведь не стала хуже и менее любима нами и нашими детьми! Пусть себе и дальше издается в таком виде!

В том-то и дело, что под именем Ершова **сказка стала хуже** и перестала быть собственно пушкинской... Нельзя сказать, что эта сказка испорчена бесповоротно, но то, что она сильно подпорчена, - несомненно. Надо бы восстановить пушкинский текст, убрать эти «изменения и дополнения», но мы не можем этого сделать: ведь любая попытка такого восстановления означала бы признание пушкинского авторства! А из этого следует, что мы и впредь будем читать пушкинскую сказку в таком «отредактированном» виде.

А теперь представим себе ситуацию, когда какое-нибудь общеизвестно пушкинское произведение стали бы издавать в таком вот подпорченном варианте. Нетрудно вообразить, какой шум подняли бы пушкинисты,

защищая Пушкина от подобного насилия, а наших читателей - от таких издателей. У нас бы «набережная затрещала» от их благородного негодования. Почему же в этой ситуации они молчат, словно воды в рот набрали? Почему ни один серьезный пушкинист не откликнулся ни на публикацию статьи Александра Лациса «Верните лошадь!» в пушкинской газете «Автограф» в середине 90-х, ни на его книгу, вышедшую под тем же названием два года назад (сегодня уже шесть с лишним лет тому назад. - В.К.), ни на мои неоднократные напоминания о необходимости как-то решить эту проблему? Тем более что количество аргументов в поддержку версии пушкинского авторства сказки только растет, а ни одного аргумента в противовес ей так и не появилось?

Кажется, я могу объяснить причину этого заговора молчания. Ведь если «Ершов» - пушкинская мистификация, то каков мистификатор! Нашей пушкинистике придется признать, что она таковым поэта никогда не воспринимала; более того, пушкинистам придется согласиться с тем, что Пушкин обманул и их - наравне со всеми сотнями миллионов читателей всех поколений! Это рядовому читателю, улыбнувшись вместе с нами, нетрудно принять этот пушкинский «шуточный обман» и наше долгое пребывание «в забавной и длительной ошибке»⁵⁶ - а каково профессионалам? Не потому ли они упорно продолжают стыдливо прятать глаза и «не замечать» эту пушкинскую мистификацию?

Разумеется, рано или поздно найдутся издатели, которые самостоятельно решатся издать «Конька-Горбунка» в неисправленном, первоначальном виде и поставят на обложке этой поистине лучшей русской сказки в стихах: АЛЕКСАНДР ПУШКИН. И тем не менее Пушкинская комиссия РАН сегодня просто обязана высказаться по этому поводу. В виду серьезности вопроса я оправдал бы любые возражения пушкинистов, даже самые вздорные или непарламентские, - но не молчание. Дальнейшее замалчивание проблемы может лечь позорным пятном на весь академический институт (ИМЛИ) и на Пушкинский Дом.

ОТ РЕДАКЦИИ: В связи с чрезвычайной важностью обсуждаемой проблемы для русской культуры «Парламентская газета» высылает с уведомлением о вручении номера газеты с публикацией статьи В.Козаровецкого «Сказка -ложь, да в ней намек» Министру культуры РФ И.С.Соколову, директору Института мировой литературы (ИМЛИ РАН) Ф.Ф.Кузнецову, Председателю Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН В.С.Непомнящему и готова предоставить место для ответа на своих страницах.»⁵⁷

Реакции не последовало. В связи с этим мне пришлось самому взяться за восстановление пушкинского текста и его издание. Я проанализировал редакцию издания 1834 года, все исправления и дополнения 1856 года и окончательный текст сказки сформировал по принципу: во всех случаях, когда исправления текст очевидно ухудшают, они отбрасываются как ершов-

ские; в тех случаях, когда исправления текст заметно улучшают, они принимаются - как пушкинские, в остальном (где преимущество той или иной редакции не столь очевидно) положившись на собственную интуицию в движении за ходом пушкинской мысли. При таком подходе выигрывает в первую очередь читатель; что же до пушкинистов и ершоведов, то в случае их недовольства или возмущения им придется ответить на *все* перечисленные выше вопросы.

Примечания:

Обозначения неоднократно приводимых источников цитирования:

ПСС - «Полное собрание сочинений А.С.Пушкина в 10 томах», М., 1962- 1966.

Ершов - П.Ершов, «Конек-Горбунок», М, 1997.

Сузге - П.Ершов, «Конек-Горбунок. Сузге. Стихотворения, драматические произведения, проза». Иркутск, 1984.

Лацис - А.А.Лацис, «Верните лошадь!», М. 2003.

Ярославцов - А.К.Ярославцов, «Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-Горбунок. Биографические воспоминания университетского товарища его А.К.Ярославцова», СПб., 1872.

---

¹Библиотека для чтения. 1834. №4, с. 214.

²Ершов, с. 7.

³Там же, с. 36.

⁴ Там же, с. 143.

⁵ Там же, с. 32.

⁶Там же, с. 59.

⁷ Там же, с.59.

⁸Там же, с. 166

⁹Сибирские огни, №4-5, с. 239.

¹⁰ Там же.

¹¹ Русский архив, 1899, 36, с. 355.

¹²Ярославцов, с. 2.

¹³Там же, с. 78.

¹⁴Сибирские огни, 1940, №4-5, с. 239.

¹⁵Ершов, с. 9.

¹⁶Сузге, с. 6.

¹⁷Ершов, с. 21.

¹⁸Сузге, с. 8.

¹⁹Ершов, с. 35.

²⁰Сузге, с. 14.

²¹Ершов, с. 37.

²²Сузге, с. 15.

²³Ершов, с. 144.

²⁴Сузге, с. 58.

²⁵Ершов, с. 147.

²⁶Сузге, с. 60.

²⁷Цит. по кн.: Ершов П.П. Конек-Горбунок. Стихотворения. Л., 1976 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.), с. 303.

- ²⁸ПСС, т. III, с. 475.
- ²⁹Азадовский М.К. Пушкинские строки в «Коньке-Горбунке». - В кн.: Пушкин, Временник Пушкинской комиссии. Л., 1936, т. II, с. 315.
- ³⁰ПСС, т. IV, с. 529.
- ³¹Ершов, с. 115
- ³²Ершов, с. 128.
- ³³Ершов, с. 131.
- ³⁴Лацис А.А. Верните лошадь!; М, 2003, с. 115.
- ³⁵Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 3 т., М., 1948; т. 1, с. 59.
- ³⁶Ахматова А.А. Собрание сочинений: В 6 т. 1999 - 2002; т. 6, с. 30.
- ³⁷Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. СПб., 1998; т. 2, с. 232.
- ³⁸Панаева А.Я. Воспоминания. М, 1972, с. 216.
- ³⁹Лацис, с. 119.
- ⁴⁰ПСС, т. IV, с.530.
- ⁴¹Цит. по: Лацис, с. 98.
- ⁴²ПСС, т. 10, с. 448.
- ⁴³Там же, с. 450.;
- ⁴⁴Там же, с. 451.
- ⁴⁵Там же, с. 452.
- ⁴⁶Там же, с. 453 - 454
- ⁴⁷Там же, с. 454.
- ⁴⁸Там же.
- ⁴⁹Там же.
- ⁵⁰Там же.
- ⁵¹Там же, с. 455.
- ⁵²Там же, с. 456.
- ⁵³Там же.
- ⁵⁴Там же, с. 457.
- ⁵⁵Лацис, с. 106.
- ⁵⁶Даль В. Толковый словарь: В 4 т. М., 1955. Т. 2, с. 330.
- ⁵⁷Парламентская газета. 26 ноября 2004 г.

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

КОНЕК-ГОРБУНОК

Русская сказка

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Начинается сказка сказываться

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба - на земле
Жил старик в одном селе.
У крестьянина три сына:

Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
Да возили под столицу:
Знать, столица та была
Недалёко от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счетом принимали
И с телегою пустой
Возвращались домой.
В долгом времени аль вскоре
Приключилося им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу их косить.
Мужички такой печали
От рожденья не видали;
Стали думать да гадать –
Как бы вора им поймать,
И решили всенародно:
С ночи той поочередно
Полосу свою беречь,
Злого вора подстеречь.

Только стало лишь смеркаться –
Начал старший брат собираться,
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь ненастная настала;
На него боязнь напала,
И со страху наш мужик
Завалился на сенник.
Ночь проходит, день приходит;
С сенника дозорный сходит
И, обшед избу кругом,
У дверей стучит кольцом.
"Эй вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери,
Под дождем я весь промок
С головы до самых ног".
Братья двери открыли,
Караульного впустили,
Стали спрашивать его,
Не видал ли он чего?
Караульный помолился,

Вправо, влево поклонился
И, прокашлявшись, сказал:
"Всю я ноченьку не спал;
На мое ж притом несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вот так ливмя и лил;
Под дождем я все ходил.
Правда, было мне и скучно,
Впрочем, все благополучно".
Похвалил его отец:
"Ты, Данило, молодец!
Ты вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при том,
Не ударил в грязь лицом".

Снова начало смеркаться,
Средний брат пошел собирать;
Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
На него тоска напала,
Зубы начали плясать;
Он - ударился бежать,
И всю ночь ходил дозором
У соседки пред забором.
Только начало светать,
У дверей он стал стучать.
"Эй вы, сони! Что вы спите!
Брату двери отоприте;
Ночью страшный был мороз –
До костей я весь промёрз».
Братья двери отворили,
Караульного впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульный помолился
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:
"Всю я ноченьку не спал,
Да к моей судьбе несчастной
Ночью холод был ужасный,
До костей меня пробрал;
Целу ночь я проскакал;
Слишком было несподручно.

Впрочем, все благополучно".
И ему сказал отец:
"Ты, Таврило, молодец!"

Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему собираться;
Он и усом не ведет,
На печи в углу поет
Изо всей дурацкой мочи:
"Распрекрасные вы очи!"
Братья ну его ругать,
Стали в поле посылать;
Но, сколь долго ни кричали,
Только время потеряли:
Он ни с места. Наконец
Подошел к нему отец,
Говорит ему: "Послушай,
Ты поди в дозор, Ванюша;
Я нашью тебе обнов
Дам гороху и бобов".
Вот дурак с печи слезает,
Шапку набок надевает,
Хлеб за пазуху кладет,
Караул держать идет.

Ночь настала; месяц всходит;
Поле всё дурак обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом;
Звезды на небе считает
Да краюшку уплетает.
Вдруг на поле конь заржал...
Караульный наш привстал,
Посмотрел сквозь рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела;
Грива точно золотая,
В мелки кольца завитая.
"Эхе-хе! так вот какой
Наш воришко! Но, постой,
Я шутить ведь не умею,
Разом сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!"
И, минуто улуча,

К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И прыгнул к ней на хребет –
Только задом наперед.
Кобылица молодая,
Задом, передом брыкая,
Понеслася по полям,
По горам и по лесам;
То заскачет, то забьётся,
То вдруг круто повернется;
Но дурак и сам не прост:
Крепко держится за хвост.

Наконец она устала.
«Ну, Иван, - ему сказала, -
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Ты возьми меня с собою
Да ухаживай за мною,
Сколько сможешь. Да смотри,
По три утренни зари
Отпускай меня на волю
Погулять по чисту полю.
Не простым корми овсом, -
Белояровым пшеном;
Не озерной пой водою,
Но медовою сытою.
По исходе же трех дней
Двух рожу тебе коней,
Да таких, каких на свете
Не бывало и в примете;
Еще третьего конька,
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами".
Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за яхонт, ни за злато,
Ни за царскую палату.
Да смотри же, не забудь.
Только кони подрастут,
Не держи меня в неволе,
А пусти на чисто поле».

"Ладно", - думает Иван

И в пастуший балаган
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает,
И лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню
"Ходил молодец на Пресню".
Вот он входит на крыльцо,
Вот берется за кольцо,
Что есть силы в дверь стучится,
Так что кровля шевелится,
И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок повскакали,
Заикаясь, вскричали:
"Кто стучится сильно так?" –
"Это я, Иван-дурак!"
Братья двери отворили,
Караульного впустили
И давай его ругать, -
Как он смеет так стучать?
А дурак наш, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведет оттуда речь
Про ночное похождение,
Старику на удивленье:
«Целу ноченьку не спал,
Звезды на небе считал;
Месяц, ровно, тоже светил, -
Я порядком не заметил.
Вдруг приходит дьявол сам,
С бороною и с усам;
Рожа - словно как у кошки,
А глаза - так что те ложки!
Он пшеницей стал ходить
И давай хвостом косить.
Я шутить ведь не умею –
И вскочи ему на шею.
Уж носил же он, носил!
Так что выбился из сил,
В воровстве своём признался
И пшеницу есть заклился».
Тут рассказчик замолчал,
Позевнул и задремал.

Братья, сколько ни серчали,
Не смогли, захохотали,
Подпершись под бока,
Над рассказом дурака.
Сам отец не смог сдержаться,
Чтоб до слез не посмеяться,
Хоть смеяться так - оно
Старикам уж и грешно.

Много ль времени аль мало
С этой ночи пробежало, -
Я про это ничего
Не слыхал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело,
Год ли, два ли пролетело, -
Ведь за ними не бежать...
Станем сказку продолжать.
Вот однажды брат Данило
(В праздник, помнится, то было),
Возвратившись с свадьбы пьян,
Затащился в балаган.
Там увидел он красивых
Двух коней золотогривых,
Еще третьего конька,
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
«Хе! Теперь-то я узнал,
Для чего здесь дурень спал! –
Говорит себе Данило. –
Дай, скажу о том Гавриле».
Вот Данило в дом бежит
И Гавриле говорит:
"Посмотри, каких красивых
Двух коней золотогривых
Наш дурак себе достал:
Ты таких и не видал».
И Данило да Таврило,
Что в ногах их мочи было,
Через кочки, чрез бурьян
Побежали в балаган.

Кони ржали и храпели,
Очи яхонтом горели;
В мелки кольца завитой,

Хвост раскинут золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты.
Любо-дорого смотреть!
Лишь Царю б на них сидеть.

Братья так на них смотрели,
Что чуть глаз не проглядели.
"Где он это их достал? –
Старший младшему сказал. -
Но издавна речь ведется,
Что всё глупым удаётся;
Будь преумная душа,
Не добудешь и гроша.
Ну, Гаврило! В ту седмицу
Отведем-ка их в столицу;
Там боярам продадим,
Деньги вместе разделим.
А с деньжонками, сам знаешь,
И попьешь и погуляешь,
Стоит хлопнуть по мешку.
А Ивану-дураку
Не достанет ведь догадки,
Где гостят его лошадки;
Пусть их ищет там и сям.
Ну, Гаврило, по рукам!»
Братья разом согласились,
Обнялись, перекрестились
И вернулись домой,
Говоря промеж собой
Про коней, и про пирушку,
И про чудную зверушку.

Время катит чередом,
Час за часом, день за днем, -
И чрез первую седмицу
Братья едут в град-столицу,
Чтоб товар свой там продать
И на пристани узнать,
Не пришли ли с кораблями
Немцы в город за холстами
И нейдет ли царь Салтан
Басурманить христиан?
Вот иконе помолились,
У отца благословились,

Взяли двух коней тайком
И отправились потом;
.....
.....

Вдруг дурак - часов чрез пять –
Вздумал в поле ночевать;
.....
.....

Он околицей идет,
Ест краюшку да поет.
Вот рогожу поднимает,
Руки в боки подпирает,
И с прискачкою Иван
Боком входит в балаган.

Все по-прежнему стояло –
Двух коней как не бывало;
Лишь бедняжка Горбунок
У его вертелся ног,
Хлопал с радости ушами
Да приплясывал ногами.
Как завоет тут Иван,
Опершись о балаган:
"Ой вы, кони буры-сивы,
Мои кони златогривы!
Я кормил-то вас, ласкал,
Да какой вас черт украл?
Чтоб пропасть ему, собаке!
Чтоб издохнуть в буераке!
Чтоб ему на том свету
Провалиться на мосту!
Ой вы, кони буры-сивы,
Мои кони златогривы!»

Тут конек его прервал:
"Не тужи, Иван, - сказал, -
Велика беда, не спорю,
Но могу помочь я горю;
Ты на черта не клепли:
Братья коней увели,
Как поехали из дому.
Но что мешкать по-пустому?
На меня скорей садись,
Только знай себе держись;

Я хоть росту небольшого,
Да сменю коня другого;
Как пушусь да побегу,
Так и беса настигу".

Тут конек пред ним ложится;
На него дурак садится,
Крепко за уши берёт;
Горбунок-конёк встаёт,
Чёрной гривкой потрясает,
На дорогу выезжает;
Вдруг заржал и захрапел,
И стрелою полетел;
Только чёрными клубами
Пыль вертелась под ногами;
И в два мига, коль не в миг,
Наш Иван воров настиг.

Братья, видя то, смешались,
Не на шутку испугались;
А дурак им стал кричать:
"Стыдно, братья, воровать!
Хоть Ивана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее:
Он у вас коней не крал".
Старший брат тогда сказал:
«Дорогой наш брат, Ванюша!
Не клади нам грех на души.
Мы, ты знаешь, как бедны,
А оброк давать должны.
Вот в такой большой печали
Мы с Гаврилой толковали
Всю сегодняшнюю ночь –
Чем бы горюшку помочь?
Так и этак мы судили,
Наконец, вот так решили:
Чтоб продать твоих коней
Хоть за тысячу рублей.
Наш отец-старик не может,
Работать уже не может,
Надо нам его кормить
Сам ты можешь рассудить». –

"Ну, коль этак, так ступайте, -
Говорит Иван, - продайте

Златогривых два коня,
Да возьмите ж и меня".
Оба брата согласились,
И все вместе в путь пустились.

Стало на небе темнеть;
Воздух начал холодеть;
Братья, чтоб не заблудиться,
Вздумали остановиться.
Под навесами ветвей
Привязали лошадей,
Взяли хлеба из лукошка,
Опохмелились немножко,
И потом, кто как умел,
Песни разные запел.

Вот Данило вдруг заметил:
Огонёк во тьме засветил.
На Гаврилу он взглянул,
Левым глазом подмигнул
И прикашлянул легонько,
Показав огонь тихонько.
Тот затылок почесал
И с лукавством так сказал,
Усмехаяся: «Послушай,
Принеси огня, Ванюша!
Ночь темна, а у меня
Ни огнива, ни кремня".
Сам же думает Данило:
"Чтоб тебя там задавило!"
А Таврило говорит
Тихо брату: «Может быть,
Там станичники пристали –
Поминай его, как звали!"

Всё пустяк для дурака!
Он садится на конька,
И, схватив его руками,
Бьет в круты бока ногами,
Изо всех горланит сил...
Конь взвился, и след простыл.
"Буди с нами крестна сила! –
Закричал тогда Гаврило,
Осенясь крестом святым. –
Что за бес-конёк под ним?»

Огонек горит светлее,
Горбунок бежит скорее.
Вот уж он перед огнем.
Светит поле словно днем;
Чудный свет кругом струится,
Но не греет, не дымится.
Диву дался тут Иван:
"Что, - сказал он, - за шайтан!
Много блеску, много свету,
А тепла и дыму нету;
Эко чудо огонек!"

Говорит ему конёк:
"Вот уж есть чему дивиться!
Тут лежит перо Жар-птицы,
Но для счастья своего
Не бери себе его.
Много, много непокою
Принесет оно с собою".
"Говори ты! как не так!" –
Про себя ворчит дурак;
И, подняв перо Жар-птицы,
Завернул его в тряпицы,
В шапку мигом положил
И конька поворотил.
Вот он к братьям приезжает
И на спрос их отвечает:
"Как туда я доскакал,
Пень горелый увидал;
Уж над ним я бился, бился,
Так что чуть не надсадился;
Раздувал его я с час,
Нет ведь, черт возьми, угас!"
Братья целу ночь не спали,
Над Иваном хохотали;
А Иван под воз присел,
Вплоть до утра прохрапел.
Тут коней они впрягали
И в столицу приезжали,
Становились в конный ряд,
Супротив больших палат.

В той столице был обычай:
Коль не скажет городничий –

Ничего не покупать,
Ничего не продавать.
Вот ворота отворяют;
Городничий выезжает
В туфлях, в шапке меховой,
С сотней стражи городской.
Рядом едет с ним брадатый,
Называемый глашатый;
Громким голосом кричит:
"Гости! Лавки отпирайте,
Покупайте, продавайте;
Надзирателям сидеть
Подле лавок и смотреть,
Чтобы не было содому
Ни смятенья, ни погрому;
И чтобы купецкий род
Не обманывал народ!"
Гости лавки отворяют,
Покупальщиков сзывают:
"Эй, честные господа,
К нам пожалуйте сюда!
Как у нас ли тары-бары,
Всяки разные товары!"

В это время тот отряд
Приезжает в конный ряд;
Смотрят - давка от народу,
Нет ни выхода, ни входу;
Так кишмя вот и кишат,
И смеются, и кричат.
Городничий удивился,
Что народ развеселился,
И приказ отряду дал,
Чтоб дорогу прочищал.
"Эй вы, черти босоноги!
Прочь с дороги! Прочь с дороги!" -
Закричали усачи
И ударили в бичи.
Тут народ зашевелился,
Шапки снял и расступился.
Пред глазами конный ряд:
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,

Хвост раскинут золотой.
Городничий раздвинулся
И два раз перекрестился.
"Чуден, - молвил, - Божий свет!
Уж каких чудес в нем нет!"
Весь отряд тут усмехнулся,
Сам глашатай заикнулся.
Городничий между тем
Наказал престою всем,
Чтоб коней не покупали,
Не зевали, не кричали;
Что он едет ко двору
Доложить о всем Царю.
И, оставив часть отряда,
Он поехал для доклада.

Приезжает во дворец,
"Ты помилуй, Царь-отец! –
Городничий восклицает
И пред троном упадает. –
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!"
Царь изволил молвить: "Ладно,
Говори, да только складно". –
"Как умею, расскажу:
Городничим я служу;
Верой-правдой исправляю
Эту должность..." - "Знаю, знаю
"Вот сегодня, взяв отряд,
Я поехал в конный ряд.
Приезжаю - тьма народу!
Нет ни выхода, ни входу.
Что тут делать?.. Приказал
Гнать народ, чтоб не мешал,
Так и случилось, Царь-Надёжа!
И поехал я, - и что же?
Предо мною конный ряд:
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты..."

Царь не мог тут усидеть.
«Надо коней посмотреть, -
Говорит он, - да не худо
И завести такое чудо».

Колесницу запрягли.
И ко входу подвезли.
Царь умылся, нарядился
И на рынок покатился;
За Царём стрельцов отряд.

Вот он въехал в конный ряд.
На колени все тут пали
И "ура!" Царю кричали.
Царь раскланялся и вмиг
С колесницы к коням прыг...
Вкруг коней он ходит, хвалит,
То потреплет, то погладит;
И, довольно насмотрясь,
Он спросил, оборотясь
К окружавшим: "Эй, ребята!
Чьи такие жеребята?
Кто хозяин?» Тут дурак,
Спрятав руки за армяк,
Из-за братьев выступает
И, надувшись, отвечает:
"Эта пара, Царь, моя,
И хозяин - тоже я". –

"Ну, я пару покупаю;
Продаешь ты?" - "Нет, меняю". –

"Что в промен берешь добра?" –
"Два-пять шапок серебра". –

"То есть это будет десять".
Царь тотчас велел отвесить
И, по милости своей,
Дал в прибавок пять рублей.
Царь-то был великодушный!

Повели коней в конюшни
Десять конюхов седых,
Все в нашивках золотых,
Все с цветными кушаками

И с сафьянными бичами.
Но дорогой, как на смех,
Кони с ног их сбили всех,
Все уздечки разорвали
И к Ивану прибежали.

Царь отправился назад
И сказал ему: «Ну, брат,
Пара нашим не дается;
Делать нечего, придется
При дворце тебе служить.
Будешь в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Всю конюшенну мою
Я в приказ тебе даю,
Царско слово в том порука.
Что, согласен?" - "Эка штука!
Во дворце я буду жить,
Буду в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Весь конюшенный завод
Царь в приказ мне отдает;
То есть я из огорода
Стану царский воевода.
Чудно дело! Так и быть,
Стану, царь тебе служить.
Только, чур, со мной не драться
И давать мне высыпаться,
А не то я был таков!"
Тут он кликнул скакунов
И пошел вдоль по столице,
Вслед за царской колесницей.
И под песню дурака
Кони пляшут трепака;
А конек его - горбатко -
Так и ломится вприсядку,
К удивленью людям всем.

Два же брата между тем
Деньги царски получили,
В шапку накрепко зашили
И отправили гонца,
Чтоб обрадовать отца.

Дома дружно поделились,
Оба враз они женились,
Стали жить да поживать,
Да Ивана поминать.

Но теперь мы их оставим,
Снова сказкой позабавим
Православных христиан,
Что наделал наш Иван,
Находясь на службе царской
При конюшне государской
Со своим лихим коньком –
Неизменным Горбунком;
Как поймал Иван Жар-птицу,
Как похитил Царь-девицу,
Как кольцо её достал;
Как он в небе погулял;
Как он в Солнцевом селенье
Киту выпросил прощенье;
Как по милости своей
Спас он тридцать кораблей;
Как в котлах он не сварился,
Как красавцем учинился;
Словом: наша речь о том –
Как он сделался Царём.

Конец 1-й части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*Скоро сказка сказывается,
а не скоро дело делается*

Зачинается рассказ
От Ивановых проказ,
И от сивка, и от бурка,
И от вещего каурка.
Козы на море ушли;
Конь поднялся от земли:
Под ногами лес стоячий,
Облака под ним ходячи, -
Это присказка: пожди, -
Сказка будет впереди.
Как на море-Окияне
И на острове Буяне

Новый гроб в лесу стоит,
В гробе девица лежит;
Соловей над гробом свищет;
Черный зверь в дубраве рыщет. -
Это присказка, а вот -
Сказка чередом пойдет.

Ну, так видите ль, миряне,
Православны Христиане,
Наш удалый молодец
Затесался во дворец;
При конюшне царской служит
И нисколько не потужит
Он о братьях, об отце
В государевом дворце.
Да и что ему до братьев?
У Ивана разных платьев,
Красных шапок, сапогов
Чуть не десять коробов;
Ест он сладко, спит он столько,
Что раздолье, да и только!

Вот неделей через пять
Начал Спальник примечать...

Надо молвить, этот Спальник
До Ивана был начальник
Над конюшней надо всей,
Из боярских был детей;
На Ивана он косился
И крестом святым божился,
Что Ивана-молодца
Потурит он из дворца.
Но, лукавство сокрывая,
Он для всякого случая
Притворился, плут, глухим,
Близоруким и немым;
Сам же думает: "Постой-ка,
Я те брякну, неумойка!"
Так, неделей через пять,
Спальник начал примечать,
Что Иван коней не холит,
И не чистит, и не школит;
Но при всем том два коня
Словно лишь из-под гребня:

И причёсаны, обмыты,
Гривы в косы перевиты,
Челки собраны в пучок,
Шерсть - ну, лоснится, как шелк;
В стойлах - свежая пшеница,
Словно тут же и родится,
И в чанах больших сыта
Будто только налита.
"Что за притча тут такая? –
Спальник думает, вздыхая. –
Уж не ходит ли, постой,
К нам проказник домовой?
Дай-ка я подкараулю,
И под нос такую дулю
Поднесу я дураку,
Что хоть тут же и в реку.
Докажу я в Думе царской,
Что конюший государской –
Басурманин, ворожей,
Чернокнижник и злодей!»
Что он с бесом хлеб-соль водит,
В церковь Божию не ходит,
Католицкой держит крест
И постами мясо ест".

В тот же вечер этот Спальник,
Прежний конюших начальник,
В стойлы спрятался тайком
И обсыпался овсом.

Полночь темная приходит
Наш Иван в конюшню входит
Без свечи, без фонаря,
Распевая про царя.
Дверь задвижкой запирает,
Шапку бережно скидает,
На окно ее кладет
И из шапки той берет
В три завитое тряпицы
Из крыла перо Жар-птицы.
Свет такой тут заблестал,
Что чуть спальник не вскричал
И от страху так забился,
Что овес с него свалился.
Но Ивану невдомёк:

Он кладет перо в сусек,
Чистить коней начинает,
Умывает, убирает,
Гривы длинные плетет,
Разны песенки поет.
Лишь убрал - перо Жар-птицы,
Завернул опять в тряпицы,
И спокойно тут прилёг
У коней близ задних ног.

Только начало зориться,
Спальник начал шевелиться,
И, увидя, что дурак
Спит прекрепко, как хомяк,
Он тихонько на пол сходит
И на цыпочках подходит...
Пальцы в шапку запустил,
Хвать перо - и след простыл.

Царь лишь только пробудился,
Спальник наш к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом
И запел Царю потом:
"Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить". –
"Говори, не прибавляя, -
Царь сказал ему, зевая, -
Если ж ты да будешь врать,
То кнута не миновать".
Спальник наш, собравшись с силой,
Говорит Царю: "Помилуй!
Вот те истинный Христос,
Справедлив мой, Царь, донос:
Наш Иван, то всякий знает,
От тебя, отец, скрывает,
Но не золото, не серебро –
Жароптицево перо..." –
"Жароптицево?.. Проклятый!
И он смел такой богатый...
Погоди же ты, злодей!
Не минуешь ты плетей!.." –
"Да и то ль еще он знает! –
Спальник тихо продолжает,

Изогнувшись. - Добро!
Пусть имел бы он перо;
Да и самую Жар-птицу
Во твою, отец, светлицу,
Коль приказ изволишь дать,
Похваляется достать".
И, польстившись донесеньем,
Хитрый Спальник со смиреньем
К Государю приступил
И перо ему вручил.

Царь смотрел и дивовался,
Гладил бороду, смеялся
И скусил пера конец.
Тут, уклад его в ларец,
Закричал от восхищенья:
.....
.....
"Гей! Позвать мне дурака!"

И посыльные Дворяна
Побежали по Ивана;
Но, столкнувшись все в углу,
Растянулись на полу.
Царь тем много любовался
И до колотья смеялся.
А Дворяна, усмотря,
Что смешно то для Царя,
Меж собой перемигнулись
И вдругоредь растянулись.
Царь тем так доволен был,
Что их шапкой наградил.
Тут посыльные Дворяна
Вновь пустились звать Ивана
И на этот уже раз
Обошлись без проказ.

Вот к конюшне прибегают,
Двери настезь отворяют
И ногами дурака
Ну поталкивать в бока.
С полчаса над ним возились,
Но его не добудились,
Наконец уж рядовой
Разбудил его метлой.

"Что за челядь тут такая? –
Говорит Иван, вставая. –
Как хвачу я вас бичом,
Так не станете потом
Без пути будить Ивана!"
Говорят ему Дворяна:
"Царь изволил приказать
Нам тебя к нему позвать". –
«Вот немножко приберуся
И тотчас к Царю явлюся", -
Говорит послам Иван.
Тут надел он свой кафтан,
Опояской подвязался,
Приумылся, причесался,
Кнут привесил за конец
И пустился во дворец.

Вот Иван к Царю явился,
Поклонился, подбодрился,
Крякнул дважды и спросил:
"А пошто меня будил?"
Царь, прищурясь глазом левым,
Закричал ему со гневом:
«Ты мне должен отвечать:
Как ты смел, урод, скрывать
От моего разуменья,
Находясь в моём владеньи,
Что имеешь ты добро –
Жаро-птицево перо!..

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

Отвечай же, супостат!» -
«Ох, помилуй! виноват!»
.....
.....
«Ну, для первого случаю

Я вину тебе прощаю, -
Царь Ивану говорит. –
Я, помилуй Бог, сердит!
Мне сказали: ты Жар-птицу
В нашу Царскую светлицу,
Если б вздумал приказать,
Похваляешься достать.
Ну, смотри ж, не отпирайся
И достать ее старайся".

.....
.....
.....
.....

..... Но смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь мне Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой,
Не являйся мне живой:
Посажу тебя я на кол.
Вон сей час!» Иван заплакал
И пошел на сеновал,
Где конек его лежал.

Горбунок, его почуя,
Дрягнул было плясовую;
Но, увидя дурака,
Он оставил трепака.
"Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? –
Говорит ему конёк,
У его вертяся ног, -
Чай, сгубили лиходеи?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
"Ох, беда, конек! - сказал. –
Царь велит достать Жар-птицу
В государскую светлицу.
Что мне делать, Горбунок?"
Говорит ему конёк:
"Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня:
Помнишь, ехавши в столицу,

Ты нашел перо Жар-птицы;
Я сказал тебе тогда:
"Не бери, Иван, - беда!
Много, много непокою
Принесет оно с собою".
Вот теперь ты узнал,
Правду ль я тебе сказал.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это - службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди.
Ты к Царю теперь поди
И скажи ему открыто:
"Надо, царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход".

Тут Иван к царю идет,
Говорит ему открыто:
"Надо царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина».
Царь велел, чтобы Дворяна
Всё сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И "счастливый путь!" сказал.

На другой день утром рано,
Разбудил конек Ивана:
"Гей! Хозяин! полно спать!
Уж пора тебе вставать».
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял корыта, и пшено,
И заморское вино;
Потеплее приоделся,
На коньке своем уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на Восток –
Доставать тоё Жар-птицу.

Едут целую седмицу.
Напоследок, в день осьмой,

Приезжают в лес густой,
Тут сказал конек Ивану:
"Ты увидишь здесь поляну;
На поляне той гора,
Вся из чистого серебра;
Вот сюда-то до зарницы
Прилетают Жары-птицы
Из ручья воды испить;
Тут и будем их ловить".

Вот конёк по косогору
Поднялся на эту гору,
Вёрсту, другу пробежал
Устоялся и сказал:
"Скоро ночь, Иван, начнется,
И тебе стеречь придется.
Ну, в корыто лей вино
И с вином мешай пшено.
А чтоб быть тебе закрыту,
Под другое сядь корыто;
Втихомолку примечай,
Да смотри же, не зевай.
До восхода, слышь, зарницы
Прилетят сюда Жар-птицы
И начнут пшено клевать
Да по-своему кричать.
Ты, которая поближе,
И схвати ее, смотри же!
А поймаешь птицу-Жар –
И кричи на весь базар;
Я тотчас к тебе явлюсь". –
"Ну, а если обожгуся? –
Говорит коньку дурак,
Расстилая свой армяк. –
Рукавички взять придется,
Чай, плутовка больно жгется".
Тут конек из глаз исчез,
А Иван-дурак подлез
Под дубовое корыто
И лежит там как убитый.

Вот полночного порой
Свет разлился над горой,
Будто полдень наступает:
Жары-птицы налетают;

Стали бегать и кричать
И пшено с вином клевать.
Наш Иван, от них закрытый,
Смотрит птиц из-под корыта
И толкует сам с собой,
Разводя своей рукой:
«Тьфу ты, дьявольская сила!
Эк их - дряней, привалило!
Чай, их тут с десятков с пять.
Кабы всех переимать –
То-то б знатная пожива!
Неча молвить, страх красивы!
Ножки красные у всех;
А хвосты-то - сущий смех!
Чай, таких у куриц нету;
А уж сколько, парень, свету –
Словно батюшкина печь!"
И, ведя такую речь,
Наш Иван на пол-аршина
Вылез тихо на средину,
Ко пшену с вином подполз –
Хватить одну из птиц за хвост.
"Ой! Конечек-горбуночек!
Прибегай скорей, дружок!
Я ведь птицу-то поймал!" –
Так Иван-дурак кричал.
Горбунок тотчас явился.
"Ай, хозяин, отличился! –
Говорит ему конек. –
Опускай её в мешок,
Да завязывай туже;
А мешок привесь на шею.
Надо нам в обратный путь". –
"Нет, дай птиц-то мне пугнуть! –
Говорит Иван. Смотри-ка, -
Вишь, надселися от крика!"
И, схвативши свой мешок,
Хлещет вдоль и поперек.
Ярким пламенем сверкая,
Встрепенулася вся стая,
Кругом огненным свилась
И за тучи понеслась.
А Иван наш вслед за ними
Рукавицами своими
Так и машет и кричит,

Словно щелоком облит.
Птицы в тучах потерялись;
Наши путники собрались
И, уладив меж собой,
Воротилися домой.

Вот приехали в столицу.
"Что, достал ли ты Жар-птицу?"
Царь Ивану говорит.
«Прикажи-ка, Царь, закрыть
У твоей опочивальни
Крепко-накрепко все ставни, -
Знашь, чтобы не светил свет», -
Говорит Иван в ответ.
Тут Дворяна побежали
Ставни крепко запирали:
Тот защелкой, тот ключом.
Вот Иван тряхнул мешком...
Свет невиданный в светлице
От тоё пошёл Жар-птицы.
Царь кричит на весь базар:
"Ахти! батюшки, пожар!
Эй, решеточных сзывайте!
Заливайте! заливайте!" –
"Это, слышь ты, не пожар,
Это свет от птицы-Жар, -
Говорит Иван со смехом. -
Видишь, знатную потеху
Я привез те, Осударь!»
Тут сказал Ивану Царь:
«Ну, спасибо, брат Ванюша!
Взвеселил мою ты душу,
И на радости такой -
Будь ты Царский Стремянной!"

Это видя, хитрый Спальник,
Прежний конюших начальник,
Говорит себе под нос:
"Нет, постой, молокосос!
Не всегда тебе случится
Так канальски отличиться,
Я те снова подведу,
Мой дружочек, под беду!"

Через три потом недели

Вечерком одним сидели
В царской кухне повара
И служители Двора,
Попивали из стакана
Да читали Еруслана.
"Эх! - один слуга сказал, -
Как севодни я достал
От соседа чудо-книжку!
В ней страниц не так чтоб слишком,
Да и сказок только пять,
А уж сказки - вам сказать,
Так не можно надивиться;
Надо ж этак умудриться!"
Тут все в голос: "Удружи!
Расскажи, брат, расскажи!" –
"Ну, какую ж вы хотите?
Пять ведь сказок; вот смотрите:
Перва сказка о Бобре,
А вторая о Царе,
Третья... дай бог память... точно!
О Боярыне Восточной;
Вот в четвертой: князь Бобыл;
В пятой... в пятой... эх, забыл!
В пятой сказке говорится...
Так в уме вот и вертится..." –
"Ну, да брось ее!" - "Постой!.." –
"О красотке, что ль, какой?" –
"Точно! В пятой говорится
О прекрасной Царь-Девице.
Ну, которую ж, друзья,
Расскажу севодни я?" –
"Царь-Девицу! - все кричали. –
О царях мы уж слышали,
Нам девиц-то поскорей!
Их и слушать веселей".
И слуга, усевшись важно,
Стал рассказывать протяжно:

"У далеких Немских стран
Есть, ребята, Окиян.
По тому ли Окияну
Ездят только басурманы;
С православной же земли
Не бывали николи
Ни дворяне, ни миряне

На поганом Окияне.
От гостей же слух идет,
Что девица там живёт;
Но девица не простая,
Дочь, вишь, Месяцу родная,
Да и Солнышко ей брат.
Та девица, говорят,
Ездит в красном полушубке,
В золотой, ребята, шлюпке
И серебряным веслом
В Окияне правит том;
И на гусельцах играет..."

Спальник тут с полатей скок –
И со всех, что было, ног
Во дворец к Царю пустился
И как раз к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом
И запел Царю потом:
"Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!" –
"Говори, да правду только
И не лги, смотри, нисколько!» -
Царь с кровати закричал.
Хитрый спальник отвечал:
"Мы севодни в кухне были
За твое здоровье пили,
А один из дворских слуг
Нас забавил сказкой вслух;
В этой сказке говорится
О прекрасной Царь-Девице.
Вот твой царский стремянной
Поклялся своей брадой,
Что он знает эту птицу –
Так назвал он Царь-Девицу, -
И ее, изволишь знать,
Похваляется достать".
Спальник стукнул об пол снова.
"Гей, позвать мне стремяннова!" –
Царь посыльным закричал.
Спальник тут за печку стал;
А посыльные Дворяна
Побежали по Ивана;

И соннаго дурака
Привели без армяка.
Царь так начал речь: "Послушай,
На тебя донос, Ванюша.
Говорят, что ты сей час
Похваляешься для нас
Отыскать другую птицу,
Сиречь молвить, Царь-девицу...

.....
.....
.....
.....
.....
.....

.....Но смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь Царь-Девуцу
В нашу Царскую светлицу,
То, клянуса бородой,
Не останешься живой:
Посажу тебя я на кол!
Вон сей час!» Иван заплакал
И пошел на сеновал,
Где конек его лежал.

"Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? –
Говорит ему конёк. –
Аль, мой милый, занемог?
Аль попался к лиходею?"
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
"Ох, беда, конек! - сказал. –
Царь велит в свою светлицу
Мне достать, слышь, Царь-девицу.
Что мне делать, Горбунок?"
Говорит ему конёк:
"Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди!
Ты к Царю теперь поди

И скажи: "Ведь для поимки
Надо, Царь, мне две ширинки,
Шитый золотом шатер
Да обеденный прибор –
Весь заморского варенья –
И сластей для прохлажденья".

Вот Иван к Царю идет
И такую речь ведет:
"Для царевниной поимки
Надо, Царь, мне две ширинки,
Шитый золотом шатер
Да обеденный прибор –
Весь заморского варенья –
И сластей для прохлажденья. –
Да вели-ка поспешать,
Чтобы время не терять».
Царь велел, чтобы Дворяна
Всё сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И - "счастливый путь!" сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил конек Ивана:
"Гей! Хозяин! полно спать!
Уж пора тебе вставать!»
Вот Иванушка поднялся,
В путь дорожку собирался,
Взял ширинки и шатер
Да обеденный прибор –
Весь заморского варенья –
И сластей для прохлажденья;
Все в мешок дорожный склал
И веревкой завязал,
Потеплее приоделся,
На коньке своем уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на Восток
По тоё ли Царь-девицу.

Едут целую седмицу;
Напоследок, в день восьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конек Ивану:
"Вот дорога к Окияну,

И на нем-то круглый год
Та красавица живет;
Два раза она лишь сходит:
С Окияна и приводит
Долгий день на землю к нам.
Вот увидишь завтра сам".
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает к Окияну,
На котором белый вал
Одинешенек гулял.
Тут Иван с конька слезает,
А конек ему вещает:
"Ну, раскидывай шатер,
На ширинку ставь прибор
Из заморского варенья
И сластей для прохладенья.
Сам ложися за шатром
Да смекай себе умом.
Видишь, шлюпка вон мелькает.
То царевна подплывает.
Пусть в шатер она войдет,
Пусть покушает, попьет;
Вот, как в гусли заиграет -
Знай, уж время наступает.
Ты тотчас в шатер вбегай,
И Царевну сохватай,
Да держи её сильнее
И зови меня скорее.
Я на первый твой приказ
Прибегу к тебе как раз,
И поедем... Да смотри же,
Ты под гусли не засни же!
Если ж ты ее проспишь,
Так беды не избежишь".
Тут конек из глаз сокрылся,
За шатер Иван забился
И давай дыру вертеть,
Чтоб Царевну подсмотреть.

Ясный полдень наступает;
Царь-девица подплывает,
Входит с гуслиями в шатер
И садится за прибор.
«Хе! Так вот та Царь-Девушка!
Как же в сказках говорится, -

Рассуждает стремянной, -
Что куда красна собой
Царь-Деввица, так что диво!
Эта вовсе не красива:
И бледна-то и тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
А ножонка-то ножонка!
ТЬфу ты! Словно у цыпленка!
Пусть полюбится кому,
Я и даром не возьму".

Тут царевна заиграла
И так сладко припевала,
Что Иван, не зная как,
Опустился на армяк;
И под голос тихий, стройный
Засыпает преспокойно.

Запад тихо догорал.
Вдруг конек над ним заржал
И, толкнув его копытом,
Говорит ему сердито:
«О дурак ты записной!
Что наделал ты с собой?
Ведь тебя посадят на кол».
Тут Иванушка заплакал
И, рыдаючи, просил,
Чтоб конек его простил.
"Отпусти вину Ивану,
Я вперед уж спать не стану". –
"Ну, уж Бог тебя простит! –
Горбунок ему кричит. –
Пособить ещё возможно;
Только будь поосторожней.
Завтра, рано поутру,
К златошвейному шатру
Приплывет опять девица –
Меду сладкого напиться.
Если ж снова ты заснешь,
Головы уж не снесешь".
Тут конек опять сокрылся;
А Иван собирать пустился
От разбитых кораблей
Под спину свою гвоздей,
Для того чтоб пробудиться,

Если слишком разоспится.

На другой день, поутру,
К златошвейному шатру
Царь-Деввица подплывает,
Шлюпку на берег бросает,
Входит с гуслиами в шатер
И садится за прибор...
Вот Царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иванушке опять
Захотелось поспать.
"Нет, постой же ты - дрянная! –
Говорит Иван, вставая. –
Ты вдругорядь не уйдешь
И меня не проведешь."
Тут в шатёр Иван вбегает,
За косу её хватает...
"Ой, беги, конек, беги!
Горбунок мой, помоги!"
Вмиг конек к нему явился.
"Ах, хозяин, отличился!
Но садись ко мне скорей,
Да держи ее плотней!"

Вот в столицу приезжает.
Царь к Царевне выбегает.
За белы руки берет,
Во дворец ее ведет
И садит за стол дубовый
И под занавес шелковый,
В глазки с нежностью глядит,
Сладки речи говорит:
"Бесподобная девица!
Согласися быть Царицей.
Я тебя едва узрел –
Сильной страстью воскипел.
Соколины твои очи
Не дадут мне спать средь ночи
И во время бела дня
Ох! измучают меня.
Молви ласковое слово!
Все для свадьбы уж готово;
Завтра ж утром, светик мой,
Обвенчаемся с тобой

И начнем жить припевая."

А Царевна молодая,
Ничего не говоря,
Отвернулась от Царя.
Царь нисколько не сердился,
Но сильней еще влюбился;
На колени пред ней стал,
Ручки нежно пожимал
И балясы начал снова:
"Молви ласковое слово!
Чем тебя я огорчил?
Али тем, что полюбил?
О, судьба моя плачевна!"
Говорит ему Царевна:
«Если любишь ты меня,
То доставь ты мне в три дня
Перстень мой из Окияна!" –
"Гей! Позвать ко мне Ивана!" –
Царь поспешно закричал
И чуть сам не побежал.
Вот Иван к царю явился,
Царь к нему оборотился
И сказал ему: "Иван!
Поезжай на Окиян;
С перстнем в третий день явися;
Да смотри - поторопись!
Я те щедро награжу,
И в бояры посажу». -
"Я и с первой-то дороги
Волочу насилу ноги -
Ты опять на Окиян!" -
Говорит царю Иван.
"Как же, плут, не торопиться:
Видишь, я хочу жениться! -
Царь со гневом закричал
И ногами застучал. -
У меня не отпирайся,
А скорее отправляйся!"
Тут Иван хотел идти.
"Эй, послушай! По пути, -
Говорит ему Царица, -
Заезжай ты поклониться
В изумрудный терем мой
Да скажи моей родной:

Отчего она три ночи
Не показывала очи?
И зачем вот три уж дня
Братец скрылся от меня?
Не забудь же!" - "Помнить буду,
Если только не забуду;
Да ведь надо же узнать -
Кто те братец, кто те мать,
Чтоб в родне-то нам не сбиться", -
Говорит Иван Царице.
"Месяц - мать мне. Солнце - брат".
"Да смотри, в три дня назад!" –
Царь-жених к тому прибавил.
Тут Иван Царя оставил
И пошел на сеновал,
Где конек его лежал.

"Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил?" –
Говорит ему конек.
"Помоги мне, Горбунок!
Видишь, вздумал царь жениться,
Знашь, на тоненькой Царице,
Так и шлет на Окиян, -
Говорит коньку Иван, -
Дал мне сроку три дни только;
Тут попробовать изволь-ка
Перстень дьявольский достать!
Да велела заезжать
Эта тонкая Царица
Солнцу-брату поклониться,
Да и Месяцу потом
Отвезти от ней поклон».
Тут конек: "Сказать по дружбе,
Это - службишка, не служба;
Служба все, брат, впереди!
Ты теперя спать поди;
А на завтра, утром рано,
Мы поедем к Окияну".

На другой день наш Иван,
Взяв две луковки в карман,
Потеплее приоделся,
На коньке своем уселся
И поехал в дальний путь...

Дайте, братцы, отдохнуть!

Конец 2-й части

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*Доселева Макар огороды копал,
а нынче Макар в воеводы попал.*

Та-ра-ра-ли, та-ра-ра!
Вышли кони со двора;
Вот крестьяне их поймали
Да покрепче привязали.
Сидит ворон на дубу,
Он играет во трубу;
Как во трубушку играет,
Православных потешает:
"Эй! Послушай, люд честной!
Жили-были муж с женой;
Муж-то примется за шутки,
А жена за прибаутки,
И пойдет у них тут пир,
Что на весь крещёный мир!"
Это присказка ведётся,
После сказочка начнётся.
Как у наших у ворот
Муха песенку поет:
"Что дадите мне за вестку?
Бьет свекровь свою невестку:
Посадила на шесток,
Привязала за шнурок,
Ручки к ножкам притянула,
Ножку правую разула:
"Не ходи ты по зарям!
Не кажися молодцам!"
Это присказка велася,
Вот и сказка началась.

Ну-с, так едет наш Иван
За кольцом на Окиян.
Горбунок летит как ветер.
И ещё на первый вечер
Верст сто тысяч отмахал
И нигде не отдыхал.

Подъезжая к Окияну,
Говорит конёк Ивану:
"Ну, Иванушка, смотри,
Вот минутки через три
Мы приедем на поляну –
Прямо к морю-Окияну;
Поперек его лежит
Чудо-юдо Рыба-кит;
Десять лет уж он страдает,
А доселева не знает,
Чем прощенье получить:
Он начнет тебя просить,
Чтоб ты в Солнцевом селенье
Попросил ему прощенье;
Ты исполнить обещаешь,
Да, смотри, не забывай!"

Вот въезжают на поляну
Прямо к морю-Окияну;
Поперек его лежит
Чудо-юдо Рыба-кит.
Все бока его изрыты.
Частоколы в ребра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит;
Мужички на губе пашут,
Между глаз мальчишки пляшут,
А в дуброве, меж усов,
Ищут девушки грибов.

Вот конек бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо Рыба-кит
Так проедем говорит,
Рот широкий отворяя,
Тяжко, горько воздыхая:
"Путь-дорога, господа!
Вы откуда и куда?" –
"Мы послы от Царь-девицы,
Едем оба из столицы, -
Говорит ему конёк, -
К Солнцу прямо на Восток,
Во хоромы золотые". –
"Так нельзя ль, отцы родные,
Вам у Солнышка спросить:

Долго ль мне в опале быть,
И какое повеленье
Мне исполнить для прощенья?»
"Ладно, ладно, Рыба-кит!" –
Наш Иван ему кричит.
"Будь отец мне милосердный!
Вишь, как мучуся я - бедный!
Десять лет уж тут лежу...
Я и сам те услужу!.." –
Кит Ивана умоляет,
(Сам же тяжело вздыхает).
"Ладно. Ладно, Рыба-кит!" –
Наш Иван ему кричит.
Тут конек под ним забился,
И по берегу пустился,
Только видно, как песок,
Вьется вихорем у ног.

Едут близко ли, далёко,
Едут низко ли, высоко
И увидели ль кого –
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дело мешкотно творится.
Только, братцы, я узнал,
Что конек туда вбежал,
Где (я слышал стороною)
Небо сходится с землею,
Где крестьянки лён прядут,
Прялки на небо кладут.

Тут Иван на небо въехал
Да по небу и поехал,
Избоченясь, будто Князь,
Шапка набок, подбодрясь.
"Эко диво! Эко диво!
Наше царство хоть красиво, -
Говорит коньку Иван
Средь лазуревых полян, -
А как с небом-то сравнится,
Так под стельку не годится.
Ведь у нас земля черна,
И темна-то и грязна;
Здесь земля-то голубая, -
А уж светлая какая!..

Посмотри-ка, Горбунок,
Видишь, вон где, на Восток,
Словно светится гнилушка...
Чай, крестьянская избушка?
Что-то больно высока!" –
Так спросил Иван конька.
"Это терем Царь-Девицы,
Нашей будущей Царицы, -
Горбунок ему кричит, -
По ночам здесь Солнце спит,
А как день деньской приходит,
То сюда и Месяц входит».

Подъезжают к воротам:
Сто столбов по сторонам;
Все столбы те голубые,
А верхушки золотые;
На верхушках три звезды,
Вокруг терема сады;
На серебряных там ветках,
В раззолоченных во клетках
Птицы райские живут,
Песни царские поют.
А ведь терем с теремами
Будто город с деревнями;
А на тереме из звезд –
Православный Русский крест.

Вот конек во двор въезжает;
Наш Иван с него слезает,
В терем к Месяцу идет
И такую речь ведет:
"Здравствуй, Месяц Месяцovich!
Я - Иванушка Петрович,
Из далеких я сторон
И привез тебе поклон". –
"Сядь, Иванушка Петрович! –
Молвил Месяц Месяцovich. –
И поведай мне вину
В нашу светлую страну
Твоего с земли прихода;
Из какого ты народа,
Как попал ты в этот край, -
Все скажи мне, не утай". –
"Я с земли пришел Землянской,

Из страны ведь Христианской,-
Говорит ему Иван, -
Переехал Окиян –
С порученьем от Девы,
Нашей будущей Царицы,
Чтоб тебя от ней спросить,
После ей пересказать:
Для чего, дескать, три ночи
Не показывал ты очи,
И зачем-де три уж дня
Солнце скрылось от меня?» -
"А какая то царица?"
"Это, знаешь, Царь-Девыца". –
"Царь-Девыца?.. Так она,
Что ль, тобой увезена?" –
Вскрикнул Месяц Месяцович.
А Иванушка Петрович
Говорит: "Известно, мной!
Вишь, я царский стремянной;
Ну, так Царь меня отправил,
Чтобы я ее доставил
В три недели во дворец;
А не то меня отец
Посадить грозился на кол".
Месяц с радости заплакал,
Ну Ивана обнимать,
Целовать и миловать.
"Ах, Иванушка Петрович! –
Молвил Месяц Месяцович. –
За твою такую весть
Всё бери, что только есть.

А уж как мы горевали,
Что Царевну потеряли!..
Так не можно и сказать,
А не то чтоб описать.
От того-то по три ночи
Не показывал я очи;
От того-то мой сынок
Вот четвертый уж денёк
Не является к сестрице,
Той ли красной Царь-девыце.
Что, здорова ли она?
Не грустна ли, не больна?" –
"Всем бы, кажется, красotka,

Да у ней, кажись, сухотка:
И суха-то, и тонка,
Чай в обхват-то три вершка;
Вот как замуж-то поспеет,
Так небось и потолстеет:
Царь, слышь, женится на ней".
Месяц вскрикнул: "Ах, злодей!
Вздумал в семьдесят жениться
На молоденькой девице!
Да стою я крепко в том –
Не бывать ей за Царём!

Тут Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался...
Вдруг он дважды привскочил:
«Эх! Немножко не забыл!
Есть еще к тебе прошение -
То о китовом прощеньи...
Есть, вишь, море; Чудо-кит
Поперёк его лежит;
Все бока его изрыты,
Частоколы в рёбра вбиты.
Он, бедняк, меня прошал,
Чтобы я тебя спросал:
Скоро ль кончится мученье,
Чем сыскать ему прощенье,
И за что он тут лежит?»
Месяц ясный говорит:
«Он за то несёт мученье,
Что без Божия веленья
Проглотил он средь морей
Три десятка кораблей.
Если даст он им свободу,
Снимет Бог с него невзгоду».
Поклонившись, как умел,
На конька Иван тут сел,
Свистнул, будто витязь знатный,
И пустился в путь обратный.

На другой день наш Иван
Вновь пришел на Окиян.
Вот конек бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо Рыба-кит
Так, вздохнувши, говорит:

"Что, отцы, мое прошение?
Получу ль когда прощение?" -
"Погоди ты, Рыба-кит!" –
Тут конек ему кричит.

Вот в село он прибегает,
Мужичков к себе сзывает,
Черной гривкою трясет
И такую речь ведет:
"Эй, послушайте, миряне,
Православны Христиане!
Коль не хочет кто из вас
К водяному сесть в приказ,
Убирайся вмиг отсюда.
Здесь тотчас случится чудо:
Море сильно закипит,
Повернется Рыба-кит..."

Тут крестьяне и миряне,
Православны Христиане,
Закричали: "Быть бедам!"
И пустились по домам.
Все телеги собирали;
В них, не мешкая, поклали
Все, что было живота,
И оставили кита.
Лишь на небе засмеркалось,
То на ките не осталось
Ни одной души живой,
Словно шел Мамай войной!

Тут конек на хвост вбегает,
К перьям скоро прилегает
И что мочи есть кричит:
"Чудо-юдо Рыба-кит!
Оттого твои мученья,
Что без Божия веленья
Проглотил ты средь морей
Три десятка кораблей.
Если дашь ты им свободу,
Снимет Бог с тебя невзгону».
И, окончив это, вмиг
Горбунок на берег прыг,
И на нем остановился.
Чудо-кит поворотился

Начал море волновать
И из челюстей бросать
Корабли за кораблями
С парусами и гребцами.

Тут поднялся шум такой,
Что проснулся Царь морской:
В пушки медные палили,
В трубы кованы трубили;
Белый парус поднялся,
Флаг на мачте развился;
Поп с причетом всем служебным
Пел на палубе молебны;
А гребцов веселый ряд
Грянул песню наподхват:
"Как по моречку, по морю,
По широкому раздолью,
Что по самый край земли,
Выбегают корабли..."

Волны моря заklubились,
Корабли из глаз сокрылись.
Чудо-юдо Рыба-кит
Громким голосом кричит,
Рот широкий отворяя,
Плесом волны разбивая:
"Чем вам, други, услужить?
Чем за службу наградить?
Надо ль раковин цветистых?
Надо ль рыбок золотистых?
Надо ль крупных жемчугов?
Все достать для вас готов!" –
"Нет, Кит-рыба, нам в награду
Ничего того не надо, -
Говорит ему Иван, -
Лучше перстень нам достань, -
Перстень красной Царь-Девыцы,
Нашей будущей Царицы". –
«Ладно, ладно! - Рыба-кит
Стремянному говорит. –
Отыщу я до зарницы
Перстень красной Царь-девыцы", -
Так Кит-Чудо отвечал
И, всплеснув, на дно упал.
Вот он плесом ударяет,

Громким голосом сзывает
Осетриный весь народ
И такую речь ведет:
"Вы достаньте до зарницы
Перстень красной Царь-девицы,
Скрытый в ящичке на дне.
Кто его доставит мне,
Награжу того я чином:
Будет думным дворянином.
Если ж умный мой приказ
Не исполните... я вас!.."
Осетры тут поклонились
И в порядке удалились.

Через несколько часов
Двое белых осетров
К киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
"Царь великий! Не гневись!
Мы всё море уж, кажись,
Ваша милость, обыскали,
А всё перстня не видали.
Только ёрш один из нас
Мог исполнить твой приказ:
Он по всем морям гуляет,
Так уж, верно, перстень знает;
Но его, как бы назло,
Уж куда-то унесло".
"Отыскать его в минуту
И послать в мою каюту!" –
Кит во гневе закричал
И усами закачал.

Осетры тут поклонились,
В Земский Суд бежать пустились
И велели в тот же час
От кита писать указ,
Чтоб гонцов скорей послали
И ерша того поймали.
Лещ, услыша сей приказ,
Именной писал указ;
Сом (советником он звался)
Под указом подписался;
Черный рак указ сложил
И печати приложил.

Двух дельфинов тут призвали
И, отдав указ, сказали,
Чтоб, от имени Царя,
Обежали все моря
И того ерша-гуляку,
Крикуна и забияку,
Где бы ни было, нашли,
К государю привели.
Тут дельфины поклонились
И ерша искать пустились.

Ищут час они в морях,
Ищут час они в реках,
Все озера исходили,
Все проливы переплыли,
Не могли ерша сыскать
И вернулись назад,
Чуть не плача от печали...

Вдруг дельфины услышали,
Недалёко на пруде
Крик неслыханный в воде.
В пруд дельфины завернули
И на дно его нырнули, -
Глядь: в пруде, под камышом,
Ёрш дерется с карасём.
"Смирно! Черти б вас побрали!
Вишь, содом какой подняли,
Словно важные бойцы!" –
Закричали им гонцы.
"Ну, а вам какое дело? –
Ёрш кричит дельфинам смело. –
Я шутить ведь не люблю,
Разом всех переколю!" –
"Ох ты, вечная гуляка,
И крикун, и забияка!
Всё бы, дрянь, тебе гулять,
Всё бы драться да кричать.
Дома - нет ведь, не сидится!..
Ну, да что с тобой рядиться, -
Вот тебе царёв указ,
Чтоб ты плыл к нему тотчас".

Тут проказника дельфины
Подхватили под щетины

И отправились назад.
Ёрш ну рваться и кричать:
"Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку подраться.
Распроклятый тот карась
Поносил меня вчера
При честном при всем собрание
Басурманской разной бранью...»
Долго ёрш еще кричал,
Наконец и замолчал;
А проказника дельфины
Всё тащили за щетины,
Ничего не говоря,
И явились пред Царя.

"Что ты долго не являлся?
Где ты, вражий сын, шатался?" –
Кит со гневом закричал.
На колени ёрш упал,
И, признавшись в преступленье,
Он испрашивал прощенья.
"Ну, уж Бог тебя простит! –
Кит державный говорит. –
Но за это преступленье
Ты исполни повеленье".
«Всё исполню, славный кит!
На коленях ёрш пищит.
"Ты по всем морям гуляешь,
Так уж, верно, перстень знаешь
Царь-девицы?" - "Как не знать!
Можем разом отыскать". –
"Так ступай же поскорее
Да сыщи его живее!"

Тут, отдав царю поклон,
Ёрш пошел оттуда вон;
С полминуты порезвился,
В чёрный омут опустился
И, разрыв на дне песок
Вырыл красный сундучок –
Пуд по крайней мере во сто.
«О, здесь дело-то не просто!» -
И давай из всех морей
Ёрш скликать к себе сельдей.

Сельди разом собралися,
Сундучок тащить взялися,
Только слышно и всего –
Что у-у! да о-о-о!
Но сколь сильно ни кричали,
Сундучка всё не подняли.
Ёрш, не тратя много слов,
Кликнул десять осетров.

Осетры тут приплывают
И без крика поднимают
Крепко ввязнувший в песок
С перстнем красный сундучок.
"Ну, ребятушки, смотрите,
Вы к царю теперь плывите,
Я ж пойду теперь ко дну
Да немножко отдохну:
Что-то сон одолевает,
Так глаза вот и смыкает..."
Осетры к царю плывут,
Ёрш-гуляка прямо в пруд
(Из которого дельфины
Утащили за щетины).
Чай, додаться с карасем, -
Я не ведаю о том.
Но теперь мы с ним простимся
И к Ивану возвратимся.

Тихо море-Окиян.
На песке сидит Иван,
Ждет кита из синя моря
И мурлыкает от горя;
Повалившись на песок,
Дремлет верный Горбунок,
Время к вечеру клонилось;
Вот уж солнышко спустилось;
Тихим пламенем горя,
Развернулася заря.
А кита не тут-то было.
"Чтоб те, вора, задавило!
Вишь, какой морской шайтан! –
Говорит себе Иван. –
Обещался до зарницы
Вынести перстень Царь-Девицы,
А доселе не сыскал,

Окаянный зубоскал!
А уж солнышко-то село,
И..." Тут море закипело:
Появился чудо-кит
И к Ивану говорит:
"За твое благодеянье
Я исполнил обещанье".
С этим словом сундучок
Брякнул плотно на песок,
Только берег закачался.
"Ну, теперь я расквитался.
Если ж нужен буду я,
Позови опять меня;
Твоего благодеянья
Не забыть мне... До свиданья!"
Тут кит-Чудо замолчал
И, всплеснув, на дно упал.

Горбунок-конек проснулся,
Встал на ножки, отряхнулся,
На Иванушку взглянул
И четырежды прыгнул.
"Ай да Кит Китович! Славно!
Дело выполнил исправно...
Ну, спасибо, Рыба-кит! –
Горбунок-конек кричит. –
Что ж, хозяин? торопись,
С сундучком скорей садися;
Три денька ведь уж прошло:
Завтра срочное число,
Чай, старик уж умирает".
Тут Ванюша отвечает:
"Рад бы радостью поднять;
Да ведь силы не занять!
Сундучишко больно плотен,
Чай, чертей в него пять сотен
Кит проклятый насажал.
Я уж трижды поднимал:
Тяжесть страшная такая!"
Тут конек, не отвечая,
Поднял красный сундучок,
Будто лёгкий камешек,
И взмахнул к себе на шею.
"Ну, Иван, садись скорее!
Помни, завтра минет срок,

А обратно путь далек».

На другой день до зарницы
Приезжают во столицу.
Царь выходит на крыльцо –
«Что? Привёз ли ты кольцо?» -
Царь Ивана вопрошает.
«Да, - Ванюша отвечает. –
Да вели-ка скликать полк:
Сундучишко мал хоть на вид,
Да и дьявола задавит".
Царь тотчас стрельцов позвал
И не медля приказал
Сундучок отнести в светлицу.
Сам пошел по Царь-Девицу.
И с улыбкой ей сказал:
«Перстень твой, душа, сыскал:
И теперь, примолвить снова,
Нет препятствия никакого
Завтра утром, светик мой,
Обвенчаться мне с тобой.
Но не хочешь ли, дружочек,
Свой увидеть перстенечек?
Он в дворце моем лежит".
Царь-Деввица говорит:
«Верю, верю. Но, признаться,
Нам нельзя еще венчаться". –
"Отчего же, светик мой?
Я люблю тебя душой;
Мне, прости ты мою смелость,
Страх жениться захотелось.
Если ж ты... то я умру
Завтра ж с горя поутру.
Сжался, матушка-Царица!"
Говорит ему Деввица:
"Но взгляни-ка, ты ведь сед;
Мне пятнадцать только лет.
Как же можно нам венчаться?
Все Цари начнут смеяться...»
Дед-то, скажут, внучку взял!"
Царь со гневом закричал:
"Пусть-ка только засмеются –
У меня как раз свернутся:
Все их царства полоню!
Весь их род искореню!" -

"Пусть не станут и смеяться,
Всё не можно нам венчаться. -
Не растут зимой цветы:
Я красавица, а ты?..
Чем ты можешь похвалиться?" -
Говорит ему Девуца.
"Я хоть стар, да я удал! -
Царь Девуце отвечал. -
Как немножко приберуся,
Хоть кому так покажуся
Разудалым молодцом.
Ну, да что нам нужды в том?
Лишь бы только нам жениться".
Говорит ему Девуца:
"А такая в том нужда,
Что не выйду никогда
За дурного, за седого,
За беззубого такого!"
Царь в затылке почесал
И, нахмурясь, отвечал:
"Что ж мне делать-то, Царица?
Страх как хочется жениться;
Ты же, ровно на беду:
Не пойду да не пойду!" -
"Не пойду я за седого, -
Царь-Девуца молвит снова. -
Стань, как прежде, молодец, -
Я тотчас же под венец". -
"Вспомни, матушка-Царица,
Ведь нельзя переродиться;
Чудо Бог один творит..."
Царь-Девуца говорит:
"Коль себя не пожалеешь,
Ты опять помолодеешь.
Слушай, завтра на заре
На широком на дворе
Челядь должен ты заставить
Три котла больших поставить
И таганы утвердить.
Первый надобно налить
Из реки - водой студёной,
Да второй - водой варёной,
А последний - молоком,
Вскипятя его ключом.
Если хочешь ты жениться

И красавцем учиниться –
Должен ты одним прыжком
Обвариться молоком;
Тут побыть в воде варёной,
А потом еще в студеной.
И скажу тебе, отец,
Будешь знатный молодец!"

Царь не вымолвил ни слова,
Кликнул тотчас Стремяннова.
"Что, опять на Окиян? –
Говорит Царю Иван. -

.....
.....
.....

"Нет, Иванушка, не то;
Завтра я хочу заставить
На дворе котлы поставить
И костры под них сложить.
Первый думаю налить
Из реки водой студёной;
А второй - водой вареной,
А последний молоком,
Вскипятя его ключом.
Ты же должен постараться,
Пробы ради, искупаться
В этих трех больших котлах:
В молоке и двух водах".

.....

Речь Иван тут начинает:
«Шпарят только поросят,
Да индюшек, да цыплят.

.....
.....

Вот в холодной, - так оно
Искупаться бы можно;
А подваривать как станешь,
Так меня и не заманишь».

.....
.....

Царь, затрясши бородою:
"Что? Рядиться мне с тобою? –
Закричал он. - Но смотри!
Если ты в рассвет зари
Не исполнишь повеленье,

Я отдам тебя в мученье,
И велю тебя терзать,
В мелки части разорвать.
Вон отсюда, болесть злая!"
Тут Иванушка, рыдая,
Поплелся на сеновал,
Где конек его лежал.

"Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил?» -
Говорит ему конёк.
«Ох, беда мне, Горбунок! –
Наш Иван ему вешает. –
Царь наутро заставляет
Искупаться мне в котлах,
В молоке и двух водах:
Как в одной воде студеной,
А в другой воде вареной,
Молоко, слышь, кипяток".
Говорит ему конек:
"Вот уж служба, так уж служба!
Тут нужна моя вся дружба.
Слушай, завтра на заре
Как ты будешь на дворе
И разденешься, как должно,
Ты скажи Царю: "Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать,
Чтоб впоследни с ним проститься".
Царь на это согласится.
Вот как я хвостом махну,
В те котлы мордой макну,
На тебя два раза прысну,
Громким посвистом присвистну,
Ты, смотри же, не зевай:
В молоко сперва ныряй,
Тут в котел с водой вареной,
А оттудова в студеной.
А теперича молись
Да спокойно спать ложись".

На другой день, утром рано,
Разбудил конек Ивана:
"Эй, хозяин, полно спать!
Уж пора тебе вставать».

Тут Ванюша почесался,
Потянулся и - поднялся,
Помолился на забор
И пошел к Царю во двор.

Там котлы уже кипели;
Подле них рядком сидели
Кучера и повара,
И служители двора;
Дров порою прибавляли,
Об Иване толковали
Втихомолку меж собой
И смеялись порой.

Вот и двери отворили;
Царь с Царицей выходили,
Чтоб с высокого крыльца
Посмотреть на удальца.
"Ну, Ванюша, раздевайся
И в котлах, брат, покупайся!" –
Царь Ивану закричал.
Тут Иван одёжу снял,
Ничего не отвечая.
А Царица молодая,
Чтоб не видеть наготу,
Завернулася в фату.
Повара и поварёнки
Отошли, смеясь, к сторонке.
"Что же ты, Ванюша, стал? –
Царь опять ему вскричал. –
Исполняй-ка, брат, что должно!"
Говорит Иван: "Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне позвать?
Я впоследни б с ним простился".
Царь, не медля, согласился
И изволил приказать
Горбунка тотчас позвать.
Тут слуга конька приводит
И к сторонке сам отходит.
Вот конек хвостом махнул,
В те котлы мордой макнул,
На Ивана дважды прыснул,
Громким посвистом присвистнул...
На конька Иван взглянул

В молоко сперва нырнул,
Тут в котёл с водой варёной,
А оттудова в студёный, -
И такой стал молодец,
Что хоть тут же под венец!
Вот он в платье нарядился,
Царь-девице поклонился,
Осмотрелся, подбодрясь,
С важным видом, будто Князь.

"Эко диво! - все кричали. –
Мы и слыхом не слыхали,
Чтобы лъзя похорошеть!"

Царь велел себя раздеть,
Два раза перекрестился, -
Бух в котел - и там сварился!

Царь-Деввица тут встает,
Знак к молчанью подает,
Покрывало поднимает
И к прислужникам вещает:
"Царь велел вам долго жить!
Я хочу Царицей быть.
Люба ль я вам? Отвечайте!
Если любя, то признайте
Володетелем всего –
И супруга моего!"
Тут Царица замолчала,
На Ивана показала.
"Люба, любя! - все кричат. –
За тебя хоть в самый ад!
Твоего ради талана
Признаем Царя Ивана!"

Царь Царицу тут берёт,
В церковь Божию ведет,
И с невестой молодою
Он обходит вокруг налюю.

Пушки с крепости палят;
В трубы кованы трубят;
Все подвалы отворяют
Бочки с фряжским выставляют,
И, напившись, народ

Что есть мочушки дерёт:
"Здравствуй, Царь наш со Царицей!
С распрекрасной Царь-Девицей!"

Во Дворце же пир горой:
Вина льются там рекой;
За дубовыми столами
Пьют бояре со князьями.
Сердцу любо! Я там был,
Мед, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.

Конец 3-й части

СОДЕРЖАНИЕ:

Сказка ложь, да в ней намёк
Конёк-Горбунок
Часть I
Часть II
Часть III

АЛЕКСАНДР ПУШКИН КОНЁК-ГОРБУНОК

Издательство НПЦ «ПРАКСИС»

Вступительная статья, компьютерный набор, корректура, редактура, оригинал-макет
В.А.Козаровецкий

Формат 70х90¹/₃₂. Бумага офсетная. Печ. листов 8. Тираж 1000.

Отпечатано в ООО «Типография «Висела»» 115088, Москва, ул. Новоостаповская, д. 10.